

Не он

Автор:

[Алекс Д](#)

Не он

Алекс Д

Инсайдер #3

Элино́р – идеальная жена и мать двоих малышей – готовится отметить десятую годовщину семейной жизни, но вместо законного супруга застаёт в гостиной таинственного незнакомца, утверждающего, что он и есть её муж. К ужасу Элино́р, его слова подтверждают общие знакомые и близкие люди. Самое чудовищное в этом безумии – Лин пытаются убедить в том, что у неё никогда не было детей и три последних года она провела в своей мастерской, рисуя портреты мужа...

Содержит нецензурную брань

Алекс Д

Не он

© Алекс Д, 2021

© ООО «ЛитРес», 2021

© «Яуза-каталог», 2021

* * *

«Забыть боль так трудно – но еще труднее помнить хорошее. Счастье не оставляет шрамов».

Чак Паланик «Дневник»

Пролог

Комната для допроса 231

– Ваше имя Кристофер Хант?

Пролистав короткий отчет выездной группы реагирования, изрядно помятый и уставший следователь поднимает воспаленный взгляд на невозмутимо восседающего напротив мужчину. К его неудовольствию, тот выглядит так, словно только что спрыгнул с рекламного билборда, в то время как он сам вынужден дежурить вторые сутки подряд, потому что в отделе жесткая нехватка кадров, а в нищих районах города творится полный беспредел. Это ни хрена не новость, как и то, что в большинстве районов из года в год повышается уровень преступности. Пока власти бездействуют, именно он, Тайрон Уэйд, вынужден допрашивать этого лощеного пижона, вместо того чтобы попивать пиво и смотреть футбольный матч в свой заслуженный выходной.

– Абсолютно верно, сэр.

– Детектив, – не скрывая раздражения, поправляет Уэйд, проведя потной ладонью по лоснящемуся лицу. – И вы настаиваете на том, что не нуждаетесь в адвокате.

– Абсолютно верно, детектив, – невозмутимо отвечает Хант.

– Это ваше право. Вы знаете, почему вас доставили в отделение?

- Догадываюсь, - кивает допрашиваемый, упорно глядя в точку над правым плечом Тайрона Уэйда.

- Вашу жену зовут Элинон Хант?

- Именно так, - еще один короткий кивок.

- На одежде Элинон Хант ваша кровь?

- Да.

- Я не вижу у вас внешних повреждений. - Детектив меняет позу, тщетно пытаюсь поймать взгляд подозреваемого. Внешне он абсолютно сдержан, но испарина на лбу выдает его внутреннее напряжение.

- Пуля лишь слегка задела кожу на плече, - поясняет Кристофер Хант. - Меня немного заштопали и наложили повязку, пока доставляли к вам.

- Ваша рубашка в идеальном состоянии, - с толикой зависти замечает детектив.

- Ничего удивительного. У меня был сменный комплект. Испорченный забрали ваши коллеги.

- Вы взяли с собой в машину скорой медицинской помощи запасную рубашку? - недоверчиво переспрашивает Уэйд, уверенный, что богатенький сукин сын, пойманный на горячем, нагло врет.

- Не я, - непринужденно отвечает Хант.

- Не вы? - Детектив скептически скалится, ощущая, как в нем закипает праведный гнев и лопается лимит терпения. - Кто же тогда?

- Моя жена, - все тем же убийственно- спокойным тоном сообщает Хант.

Да он издевается, чтоб его!

– Эль всегда заботится о том, чтобы я безупречно выглядел. В любой ситуации.

– Миссис Хант решила позаботиться о вас до того, как вы применили к супруге физическое насилие, или после? – детектив пускает в ход тяжелую артиллерию.

– Я никогда не поднимал руку на Элинора, – даже не моргнув, продолжает «заливать» самоуверенный подонок. На его смазливой физиономии нет ни капли раскаяния или вины, как и у большинства подобных скотов, уверенных в своей безнаказанности.

Не на того нарвался, ублюдок. Детективу Уэйдю плевать на твой лопающийся от баксов бумажник.

– Хотите сказать, что зафиксированные синяки и повреждения появились на теле супруги без вашего участия?

– Абсолютно верно, детектив.

– Тогда, может, объясните, почему миссис Хант стреляла в вас? – с откровенным злорадством спрашивает Уэйд.

– Вас неправильно информировали, детектив. Элинора стреляла не в меня.

Комната для допроса 232

– Вы узнаете этого человека?

– Разумеется, офицер. – Взгляд Элинора Хант на пару мгновений застывает на мужчине за стеклом в соседней комнате для допросов.

Представитель Феиды – Клои Бейли – следует ее примеру и критично рассматривает обсуждаемый объект, в очередной раз удивляясь, как часто социально опасные ублюдки, превращающие в ад жизни близких людей, обладают магнетической сексуальной внешностью. Без сомнений, данный тип – один из этих маскирующихся хищников, пользующихся своей привлекательностью как оружием против самых уязвимых. В конкретном случае

уязвимость заключается в чувстве любви или привязанности.

Большой опыт Клои Бейли в делах, связанных с домашним насилием, научил ее с одного взгляда выявлять опасных тиранов. А может быть, дело в особом чутье, выработанном с годами, или личной истории с собственным отцом, долгое время избивающим мать и дочь. Им помогли, они выжили, но есть другие, нуждающиеся в помощи и защите. Например, Элино́р Хант, сидящая напротив.

Клои Бейли передергивает от отвращения, вызванного непрошеными воспоминаниями, и весь спектр эмоций она направляет на безупречного ублюдка за стеклом, непринужденно отвечающего на вопросы следователя.

Высокий, холеный, атлетически сложенный брюнет с красивым лицом, ледяной улыбкой и стальным, как лезвие, взглядом. Самоуверенный, равнодушный, не допускающий даже мысли о возможной расплате за содеянное. Тюрьма быстро сбивает спесь с таких, как он.

Клои невольно вздрагивает, когда мужчина внезапно поднимает голову и смотрит прямо на нее. Чертовски хорош, снова отмечает офицер, когда ублюдок достаивает ее вежливой улыбкой, словно сидит не на допросе, а в чертовом пабе, или тусуется на светской вечеринке, что больше соответствует его статусу.

– Как его имя? – Бейли делает над собой усилие, чтобы вернуться к допросу свидетеля, и задает несчастной жертве следующий вопрос.

– Кристофер Хант, – отвечает молодая женщина в частично порванной одежде и синяками в области шеи и запястий, неотрывно наблюдая за происходящим по ту сторону двухстороннего зеркала. Эмоции на лице Элино́р Хант почти полностью отсутствуют, что неудивительно. Жертвам домашнего насилия свойственно подобное поведение. Клои Бейли немало повидала таких, как миссис Хант.

Отрицание. Оно как кокон опутывает психику морально-раздавленных женщин, попавших в зависимые отношения. Девяносто пациентов из ста не желают признавать, что являются жертвами садиста, – и это тоже один из признаков прогрессирующей болезни. Однако в Элино́р Хант есть то, что заставляет офицера напрячься и присмотреться к пострадавшей внимательнее. Она

наблюдает за своим обидчиком без намека на страх, в то время как другие жертвы тиранов предпочитают отводить или опускать взгляд.

– Вы уверены? – офицер Бейли привлекает внимание Элинора щелчком автоматической ручки.

– Конечно, – без раздумий утвердительно кивает миссис Хант.

В крупных зеленовато-карих глазах нет ни тени лукавства. Она не шокирована, не напугана, и если бы эти двое сидели рядом, а не разделенные зеркальной стеной, их реакции и поведение выглядели бы абсолютно идентично.

И этому есть весьма простое объяснение. Вероятно, миссис Хант дублирует модель подачи себя у доминирующего партнера. В подобных парах часто наблюдается удивительная сплоченность. Жертва, попав под влияние сильного манипулятора, «зарабатывает очки», непроизвольно подыгрывает, надеясь заслужить похвалу или поблажку. Именно заслужить. Все равно что выпросить кость у хозяина. Грубое сравнение, но самое точное.

– Вы любите своего мужа, миссис Хант? – Прищурив глаза, Клои пытается разглядеть «нездоровые» признаки, как раз проявляющиеся, когда речь заходит о чувствах. Тут может быть целый комплект: раболепие, обожание, страх, неуверенность, нервозность, истерика или даже приступ паники.

Элинора Хант не падает без чувств и не пытается заверить офицера Бейли в огромной силе взаимного чувства между ней и супругом. Она сдержанно вглядывается в непроницаемое лицо молодой женщины-полицейского и, несмотря на растерзанный вид, синевато-бледный цвет лица и грязно-бурые кляксы крови на белоснежной блузке, выглядит удивительно уверенной и спокойной.

– Станный вопрос, миссис Бейли, – голос так же не выдает внутренней бури эмоций.

– Офицер Бейли, – холодным тоном поправляет Клои, инстинктивно убрав руку с обручальным кольцом под стол. Элинора понимающе улыбается, заметив непроизвольный жест, и растолковывает его по-своему.

– У нас с Кристофером тоже бывали непростые времена, офицер Бейли, – подчеркнуто вежливо произносит миссис Хант.

– Значит, вы утверждаете, что этот мужчина, – Клои показывает пальцем на двустороннее зеркало, – ваш законный супруг?

– Как я могу не узнать собственного мужа? Мы женаты десять лет, и я считаю наш брак вполне успешным.

Клои с досадой хмурится, осознав, что допустила промашку, позволив себе удивленно вскинуть брови. Ее сбивает сочувственная улыбка Элинон, намекающая на то, что они обе находятся в похожих ситуациях. Но это абсолютно не так. Муж Клои никогда не повышал на нее голоса, не то чтобы ударить физически. Однако их отношения действительно зашли в тупик, не пережив испытание супружеской скукой, и вот уже полгода Клои всерьез задумывается о разводе.

– Тогда как вы объясните это? – откинув личные эмоции, офицер Бейли включает на громкую связь запись телефонного разговора, предоставленного полиции города службой 911.

– Служба спасения. Чем я могу вам помочь?

– Пожалуйста, мой муж... – отчаянно умоляет женский голос.

– Как вас зовут, мэм?

– Элинон Хант. Мне угрожает опасность, – на записи раздаются хриплые всхлипывания.

– Ваш адрес определился, Элинон. Мы отправили сигнал в полицию. Помощь подоспеет в ближайшее время. Постарайтесь успокоиться и оставайтесь на линии. Скажите, Элинон, какая именно опасность вам угрожает?

– Мой муж...

На заднем фоне отчетливо слышен грохот. Словно кто-то со всей силы бьет кулаками в дверь. Запертую дверь.

- Вы ранены?

- Нет... - сбивчиво отвечает напуганный до ужаса голос.

- Ваш муж угрожает вам? У него есть оружие?

- О господи! Помогите! - Элинон отчаянно кричит, глухие удары становятся сильнее. - Быстрее. Дверь долго не выдержит.

- Отряд уже выехал. Вы можете припереть дверь чем-то тяжелым?

- Нет, я в ванной... - рыдает женщина. - Умоляю вас, быстрее!

- Вы так и не ответили, у вашего мужа есть оружие?

- Вы не понимаете. Это не мой муж. Это не он...

Офицер выключает запись, изучая сканирующим взглядом белое, как мел, лицо миссис Хант. Она молчит, но не отворачивается, с достоинством выдержав зрительную атаку Клои Бейли.

- Это вы звонили в службу спасения? Так?

- Несколько месяцев назад, - натянутым голосом отвечает Элинон.

В распахнутых глазах невозможно прочесть ни единой мысли. Женщина прикусывает губу, забыв, что та разбита, и морщится от боли.

- Элинон, вы расскажете мне, что произошло? - мягко спрашивает Клои. - Иначе я не смогу вам помочь, - ощутив смятение собеседницы, добавляет офицер. - Если вы снова попытаетесь уйти от ответственности, то в следующий раз полицейский наряд может не успеть. На кону ваша жизнь. Задумайтесь над тем,

чем вы рискуете, прикрывая преступника. Пока он на свободе, вы в опасности, Элинора.

– Скажите, офицер Бейли, вам когда-нибудь казалось, что ваш муж является совершенно другим человеком? – внезапно меняет тему разговора миссис Хант. – Незнакомцем, которого вы видите впервые в жизни? Незнакомцем, который до ужаса пугает вас. – Она понижает голос и добавляет, едва шевеля разбитыми губами: – И в то же время притягивает так сильно, что вам становится плевать на опасность?

– Нет, никогда, – уверенно выдает ответ Клои, примерно понимая, к чему клонит потерпевшая. Ее подсознание ищет оправдания садисту, перекладывая ответственность на вымышленную новую личность, как бы разделяя хорошего и плохого мужа. Эту ошибку допускает подавляющее большинство, ожидая возвращения «хорошего парня». Правда в том, что «хорошего парня» никогда не существовало. Однако следующим вопросом миссис Хант удастся поставить Клои и ее выводы в тупик.

– А вам когда-нибудь хотелось этого? – интересуется Элинора, смерив женщину офицера пронизательным взглядом.

Часть первая. Самый важный человек

– Он хороший человек? – подозрительно спросила Дороти.

– Он хороший волшебник. А какой он человек и человек ли он вообще, я не знаю, потому что никогда его не видела.

Л. Ф. Баум «Волшебник страны Оз»

Глава 1

Некоторое время назад

– Прошу тебя, Тэм, не забудь про Вука. Без него Милли не уснет. – Зажав мобильник между ухом и плечом, Элино́р отступает на пару шагов назад, придирчиво оценивая праздничную сервировку стола, и раздраженно поджимает губы, заметив, что салфетки разложены не зеркально и ароматизированные свечи стоят не совсем по центру. Кристофер непременно заметит и решит, что она недостаточно постаралась. А в их особенный день это абсолютно недопустимо.

– Вук? – переспрашивает собеседница.

– Мягкая игрушка, я положила ее в сумку с детскими вещами, – поясняет Элино́р, сдвигая свечи и поправляя салфетки. Сначала с одной стороны, а потом, обогнув стол, – с другой.

– Кажется, я доставала его. Подожди минутку, сейчас поищу, – торопливо отзывается Тэмзин Саммерс.

– Жду. – Элино́р улыбается, услышав на заднем фоне лепет дочери и звонкий голосок сына. Тэм и раньше выручала подругу с детьми, когда им с Кристофером хотелось побыть вдвоем, но после рождения Милли – дети впервые ночуют вне дома.

– Не волнуйся, Эль, у нас все в порядке, – словно прочитав мысли переживающей матери, мягко заверяет подруга. – Это ваш вечер. Проведите его так, чтобы он запомнился навсегда.

– Спасибо, милая, – растроганно отвечает Элино́р. – Уверена, что так и будет.

– Крис тебя обожает. У вас чудесные дети. Чего еще желать? – рассуждает мисс Саммерс, и Элино́р совершенно нечего возразить, кроме:

– Я бы хотела, чтобы папа, Карен и Этан были рядом, – проглотив горький комок, признается Эль.

– Ты же знаешь, что это невозможно, Элино́р, – сочувственно отзывается Тэмзин, по привычке включая семейного психолога.

Эль горько улыбается, вспомнив, что именно так они с Тэм и познакомились: в кабинете семейной терапии, куда привел ее Крис. Да, это была его идея, вопреки статистике, говорящей о том, что гораздо чаще именно женщины тащат своих мужей к психологам, чтобы реанимировать умирающий брак. У Эль с Кристофером все было иначе.

Элино́р много лет боролась за право стать матерью, периодически теряя веру в положительный результат и проваливаясь в продолжительные депрессии. Согласно многочисленным обследованиям ни у нее, ни у мужа не было проблем с репродуктивной функцией, но отличное здоровье еще не гарантия успешного зачатия. За годы провальных попыток Эль допускала постыдную мысль, что ей было бы легче справиться с ежемесячным разочарованием, знай она, что проблема в ней или в муже. Тогда у них был бы шанс подобрать лечение или найти альтернативный способ. Но Крис не хотел ничего слышать об остальных вариантах, и Эль все глубже погружалась в отчаяние.

Да, были периоды, когда она во всем винила мужа, но делала это, скорее, чтобы облегчить собственную боль. Ей казалось, будто Крис абсолютно не понимает, что она чувствует, какая это мука – снова и снова ждать и видеть проклятый «минус» или одну полоску на тесте. Для Кристофера частые срывы жены стали нелегким испытанием, и нет ничего удивительного, что в какой-то момент их брак оказался под угрозой распада.

Отношения трещали по швам, понимание ускользало, а секс по расписанию и в «нужные» дни больше не приносил супругам удовлетворения. Крис первым осознал, что они катятся к разводу, первым сделал решительный шаг, чтобы сохранить семью, записавшись на пробный сеанс к семейному психологу.

В итоге Тэмзин Саммерс спасла их брак в прямом смысле этого слова, и в благодарность они сделали ее крестной своих детей.

– Мы пережили эту трагедию, правда? – голос Тэм возвращает Эль из нахлынувших воспоминаний о временах сложных испытаний и погружает в другие, еще более тяжелые.

– Я пережила, – произносит Эль, взяв себя в руки. – Но не могу забыть о тех, кто не выжил.

– Ты и не должна забывать, – понимающе отзывается Тэмзин.

– Спасибо, что ты всегда рядом, – благодарит Эль, смаргивая набежавшие слезы. – Ты нашла Вука?

– Черт, точно! Лисенок, – восклицает Тэмзин. – Он был где-то здесь...

Пока подруга занимается поисками игрушки Милли, Эль снова отступает назад, оценивая свои труды. Теперь, кажется, все идеально. Наконец-то можно заняться собой.

Удовлетворенно выдохнув, Элинор направляется на кухню, по пути снимая ненавистный фартук и продолжая удерживать телефон возле уха.

Устало улыбается фотографии детей, примагниченной к дверце холодильника. На душе молодой женщины теплеет от одного взгляда на малышек. Старшему – Джонасу – три года, и он полная копия отца, а малышка Милли пошла в Элинор.

«Такие же пухлые щечки, как у мамы», – любит частенько приговаривать Крис, выразительно задерживая внимание на груди и бедрах жены, тем самым намекая на набранные за вторую беременность килограммы.

Элинор не обижалась, по привычке находя оправдания придиркам мужа. «В его офисе наверняка полно худосочных длинноногих красавиц, – размышляла она, – и, понятное дело, как любой мужчина, он произвольно сравнивает». К тому же Эль не собиралась отрицать очевидное. Ее фигура и правда округлилась после рождения Милли. Не очень сильно и именно в тех местах, где объем обычно считается достоинством, а не недостатком. Но при невысоком росте Эль муж почему-то находил его излишним, либо ему нравилось держать ее в тонусе. Это действительно давало Элинор некий стимул не расслабляться, держать себя в форме и помнить, что рядом с ней находится молодой и очень красивый мужчина, который всегда нравился и будет нравиться женщинам.

Хотя, положив руку на сердце, надо признать: Кристофер тоже не лишен недостатков. Например, его легкая занудность, одержимость порядком и нежелание хоть как-то помогать ей с домашними обязанностями, секс, которого стало гораздо меньше с появлением детей, и поздние возвращения с работы, связанные с бешеным графиком и новой перспективной должностью, позволяющей содержать огромный загородный дом.

Элино́р всячески старалась поддержать мужа, понимая, какую колоссальную ответственность он несет на своих плечах. Для нее это не было такой уж сложной задачей. Когда-то она точно так же заботилась об отце, и даже с появлением молодой мачехи мало что изменилось. Карен больше интересовали дизайнерские шмотки, светские вечеринки и салоны красоты, чем возрастной муж и пасынок-подросток. Наверное, еще и по этой причине Крейгу Бартону было так сложно отпустить дочь. Он и не отпустил, объявив, что Кристофер Хант ей не пара.

Эль ушла сама, не взяв ничего из родного дома и отказавшись от любой помощи, которую впоследствии предлагал отец.

– Ура, Эль! Я нашла Вука, – с триумфом звенит в трубке бодрый голос Тэми Саммерс. – Боже, какой он милый, – смеется подруга.

Тэм всегда такая жизнерадостная, полная сил и энергии, и наверняка фантастически выглядит в то время, как Элино́р чувствует себя выдохшейся и измученной после долгих часов у плиты.

– Теперь ты можешь успокоиться насчет маленьких проказников и с чистой совестью настроиться на лучшую ночь в своей жизньжизни.

О да! Именно так Эль и поступит. Этот вечер просто обязан быть идеальным и оправдать все возложенные на него ожидания. Элино́р не готовила сама больше года, искренне считая, что ее кулинарные навыки оставляют желать лучшего, но сегодня пришлось постараться и выложиться на максимум.

Звучит скучно и почти асексуально, но Кристофер не раз давал понять, что предпочитает домашнюю еду ресторанной, и в первые месяцы их брака Элино́р много экспериментировала с рецептами. Не всегда удачно. Иногда абсолютно несъедобно. Но зато от души. Тогда ей хотелось сделать для него все что

угодно. Не ради похвалы. Вовсе нет. Это была безусловная потребность: делать любимого мужчину счастливым даже в мелочах.

– Позвони мне, как они уснут? – закончив ностальгировать по прожитым годам и перебирать в голове актуальные проблемы, Элино́р возвращается к диалогу с подругой. – Мне так будет спокойнее.

– Конечно, Эль. Отожги, малышка. Ты это заслужила. Вы оба это заслужили.

– Спасибо, – Эль искренне улыбается, переводя взгляд на совместную фотографию с мужем, стоящую на полочке кухонного гарнитура.

Снимок сделан в день свадьбы. Элино́р могла бы назвать его самым счастливым в жизни, если бы не одно огорчающее обстоятельство. Отец не принял приглашение на свадьбу и даже не позвонил.

Крейг Бартон считал брак дочери и сына садовника мезальянсом. И даже годы спустя он относился к Крису, как к сорняку, оставленному в семейном саду уволенным садовником. До самой своей смерти Бартон лелеял надежду, что в жизни дочери появится кто-то более достойный, чем Кристофер Хант. Кто-то более успешный, благополучный... Кто-то более подходящий.

Если бы Крейг Бартон только знал, чем обернется его упрямое нежелание видеть будущее любимой дочери Элино́р рядом с Кристофером Хантом.

Наручные смарт-часы на запястье Эль издают короткий звук, оповещая о входящем сообщении от мужа:

«Я опаздываю, Эль. Задержусь на полчаса. Не злись. Используй это время, чтобы поразить меня».

Черт, она совсем потеряла счет времени. Впервые опоздание мужа Элино́р восприняла как подарок. Еще более ценный, чем огромный букет белых роз, доставленный утром.

Эль в панике считает оставшиеся минуты. Результат ее не успокаивает. До возвращения мужа не больше часа, а она все еще взмыленная, лохматая и неодетая. Идеальная жена начала бы с салона красоты, а не с кухни. Она бы так и сделала, но утром ей нужно было отвезти детей подруге в город, а это два часа пути туда-обратно.

– Срочно в душ.

Вслух озвучив свои дальнейшие действия, Элино́р с девичьей прытью бежит вверх.

Не удержавшись, с соблазном заглядывает в опустевшую детскую, залитую багровым предзакатным светом, льющемся через панорамные окна. Именно здесь она наблюдала самые потрясающие в своей жизни закаты и рассветы. Если бы Эль могла нарисовать все это невероятное буйство цветов и оттенков! Жаль, что ее способностей хватает исключительно на лица людей, но и портретную живопись пришлось забросить...

Окинув взглядом просторную детскую, она невольно вспоминает, что эта комната должна была стать ее мастерской, но почти сразу после рождения Джонаса Элино́р пришла к выводу, что к творчеству вряд ли сможет вернуться в ближайшие лет... восемнадцать, а потом почти сразу забеременела Милли, и ее мастерская окончательно и бесповоротно превратилась в детскую.

Эль смотрит на аккуратно заправленные кровати детей, и материнское сердце болезненно сжимается от необъяснимой тревоги. Она знает, что заберет детей утром, но на душе все равно беспокойная тяжесть.

– Мамочка скучает по вам, – разгладив складку на покрывале Джонаса, с тоской произносит Эль. Присев на краешек кровати, она берет огромного плюшевого белого медведя, подаренного мужем на первый день рождения сына, и, обняв большую игрушку, зарывается лицом в мягкую искусственную шерсть.

– Не скучай, Барни, утром твой дружок вернется, и мы все вместе поиграем.

Посадив мишку на место, Эль смотрит в единственный стеклянный глаз Барни. Второй Джон оторвал пару дней назад и случайно уронил на пол. Они обыскали все углы комнаты, даже Милли принимала участие, резво ползая на

четвереньках и радостно сопя, но увы, совместные поиски не увенчались успехом. Элино́р пообещала расстроено́му сыну, что обязательно купит Барни самый красивый новый глаз, но совершенно забыла об этом, возвращаясь от Тэмзин. Мысли о муже и подготовке к юбилею вытеснили из головы все остальное.

«Купить глаз для Барни».

Торопливо написав записку в мобильном, Эль направляется в ванную, расположенную между детской и ее временной спальней. Супружеская, с огромным джакузи напротив панорамного окна, из которого открывается живописный вид на озеро, находится чуть дальше по коридору. Там Элино́р появляется в последнее время нечасто, так как к приходу мужа с работы, вымотанная за день заботами о доме и детях, она уже крепко спит. Конечно, точно так же Эль могла бы крепко спать и в супружеской постели, но каждый раз находит себе отговорки, прикрываясь усталостью.

– С сегодняшней ночи все будет по-другому, – вслух проговаривает установку Элино́р, включая воду.

Ванная комната оснащена акустической системой, и весь оставшийся час Эль релаксирует под ритмичную музыку, приводя свое тело, волосы и лицо в идеальный порядок. Результат обещает быть не хуже, чем после похода в салон красоты. Ухаживать за собой она умеет на уровне профессионального стилиста. Всем хитростям по украшательству своей внешности Элино́р Бартон научилась еще в школьные годы, как только осознала, что привлекательность девушки – не столько заслуга генов и природных данных, сколько упорный труд и хороший вкус. С последним у нее, как у художницы, никогда не было сложностей.

Закончив в ванной, Эль проходит в свою временную спальню, чтобы облачиться в ожидающее на постели непривычно смелое для нее платье. Она бы даже назвала его вызывающим или еще хуже – вульгарным, но Тэмзин заверила, что Кристофер будет в восторге.

«Нет ничего скучнее предсказуемости, Эль. Станешь для мужа прочитанной книгой – можешь смело ставить крест на вашем браке. Как только мужчина поймет, что в тебе не осталось ничего неизученного, он потеряет интерес, – заявила подруга в примерочной бутика, когда Элино́р поделилась сомнениями в

отношении выбранного ею наряда. – К тому же голубой цвет оттеняет твою безупречную кожу. Порой полезно забыть на пару часов, что тебе тридцать и ты мать двоих маленьких детей, отягощенная массой забот. К черту обыденность, жена просто обязана иногда превращаться в распутницу для своего мужа, если не хочет, чтобы он искал новых впечатлений в другом месте. Заставь Кристофера вспомнить, что ты сексуальная гетера, которую жаждали получить в постель десятки парней, а повезло ему».

Эль хохочет в голос, вспомнив последнюю фразу подруги. Тэм ей сильно польстила. Элино́р Барто́н никогда не была сексуальной гетерой или ослепительной соблазнительницей, сводящей с ума парней. И хотя Крейг воспитывал Эль с уверенностью, что его дочь самая красивая в мире девочка, она себя таковой не считала. Парни, ухаживающие за Эль, больше жаждали объединить капиталы ее отца с капиталами своих отцов, чем саму Элино́р. В мире, где правят деньги, нет места настоящим чувствам. Эль уяснила это в ранней юности, обладая доставшейся от матери пронизательностью и внимательностью к деталям. Художественные способности Элино́р тоже унаследовала от нее, как и неиссякаемую склонность к романтизму.

Поэтому выбрать Кристофера Ханта оказалось очень легко. Практически с первого взгляда. Он был не таким, как другие, и видел ее. Именно ее, а не счета, положение и недвижимость Бартонов. Отец ошибался. Она сделала правильный выбор, когда вышла замуж за Кристофера.

Застегнув молнию на спине, Элино́р не без удовольствия смотрит на свое отражение, показывающее стройную привлекательную молодую женщину в нежно-голубом облегающем платье с глубоким вырезом, подчеркивающим высокую грудь. Подол на ширину одной ладони прикрывает округлые бедра, и ноги Эль, обутые в туфли на высоченных каблуках, кажутся ничуть не короче, чем у Тэмзин. Разве что совсем на чуть-чуть.

Последние две недели Элино́р ответственно придерживалась диеты и сбросила пару килограмм, надеясь, что Крис оценит результат. Во всяком случае, ей он заметен невооруженным взглядом. Эль давно так не была так довольна своей внешностью.

Внезапный шум внизу заставляет Элино́р вздрогнуть. Посмотрев на часы, она мысленно чертыхается. Похоже, план поразить мужа еще с порога с треском провалился. Только она могла так нелепо облажаться. Расправив приятную

ткань платья на талии и взбив закрученные в спирали густые темные локоны, Эль воровато бросает взгляд в зеркало и торопливо выбегает из комнаты, все еще надеясь, что звуки в гостиной ей померещились. Однако прилетевшее на смарт-часы короткое сообщение «Эль, я дома» ставит жирную точку в появившихся сомнениях.

Кристофер здесь.

Элинон несется вниз по лестнице так быстро, как только может, а может она как хромая черепаха, потому что за время декрета совершенно отвыкла от обуви на каблук.

Оказавшись в гостиной, первое, что видит Эль, – пиджак Кристофера на спинке стула возле сервированного стола и его рабочий кейс, оставленный на сиденье. Взгляд со скоростью света мечется по огромной гостиной, прежде чем находит высокую фигуру мужа.

Крис стоит у одного из панорамных окон, сунув руки в карманы брюк и наблюдая финальные алые всполохи заката. Его крепкая фигура окутана полумраком и кажется мужественнее и выше, плечи шире, а волосы темнее. С замиранием сердца Эль вдруг осознает, как безумно соскучилась по этому ощущению энергии мужской силы и уверенности, исходящих от Кристофера. Они целую вечность не были по-настоящему вдвоем.

Последние месяцы выдалась непростыми, дети требовали максимум внимания, постоянно происходили какие-то мелкие бытовые проблемы, и супруги словно отдалились друг от друга. Эль сама не заметила, как в какой-то момент в подсознание просочился страх, что Крис ее разлюбил, потерял интерес. Она упорно гнала эти мысли, корила себя за эгоизм. Он так много делал для благополучия семьи, работал на износ, чтобы обеспечить жене и детям комфортную жизнь, хотя мог пойти другим, более легким путем. Но Кристофер всегда был слишком гордым, чтобы принять хотя бы доллар от Крейга Бартона. В день свадьбы он поклялся Эль, что она не будет ни в чем никогда нуждаться. Так и вышло.

Но теперь Элинон гложет мысль, что, может быть, он устал. Устал доказывать призраку, что достоин его дочери.

Застыв возле стола, Эль заворожено вглядывается в неподвижную фигуру мужа, испытывая волнение и внутренний трепет. Так много слов необходимо сказать, но горло немеет, колени слабеют, а сердце пропускает удар, и, вспомнив слова Тэмзин о предсказуемости, Элино́р подавляет желание присоединиться, обнять его, прижаться щекой к сильной спине, забыться в тепле его надежных рук.

Вместо этого Эль переводит дыхание, пытаюсь успокоить зашкаливающий пульс, вернуть свою уверенность и настрой. Мысленно считает до десяти, одну за другой зажигая свечи, пока раскаленный уставший солнечный нимб полностью погружается в темные воды озера.

Пора, Эль. Докажи ему, что ты не прочитанная книга, напхни о тех ночах, когда он не мог оторваться от тебя.

«Вспомни, что ты сексуальная гетера», – как наваждение всплывают в памяти Элино́р недавние слова подруги, и пальцы, нащупав язычок молнии на спине, начинают предательски дрожать.

Может, стоило встретить его в джакузи с лепестками роз, полностью обнаженной и с разлитым по бокалам шампанским? Крису наверняка бы понравилось...

Хватит рассуждать, Элино́р. Время действовать. Смелее.

Одно уверенное движение, и невесомая ткань с легким шуршанием сползает по женскому телу, падая к ногам шелковой лужицей, оставляя Элино́р Хант почти обнаженной. Крошечные кружевные трусики и туфли – ее единственное прикрытие. Или украшение. Украшение! Именно так должна думать женщина, вознамерившаяся соблазнить и свести с ума собственного мужа.

Переступив через нелепое после десяти лет совместной жизни смущение, она перешагивает через платье и, соблазнительно виляя бедрами, медленно начинает сокращать расстояние между собой и мужем.

Шаг за шагом. Каждый быстрый удар сердца разливает кровь по венам, окрашивая румянцем щеки Элино́р. Она расправляет плечи, продолжая сближение, втягивает живот, хотя в этом нет никакой нужды.

Кристофер по-прежнему неподвижен, словно не замечает присутствия жены. Он облегчил бы ей задачу, если бы просто обернулся. Одна ободряющая восхищенная улыбка, и Эль бы перестала испытывать мучительную неуверенность и глупую робость. Но Кристофер вероятно настроен на другую игру, точнее подхватил ту, что начала Элиноор, и ждет полной инициативы от нее.

«Жена просто обязана иногда превращаться в распутницу для своего мужа, если не хочет, чтобы он искал новых впечатлений в другом месте», – голос Тэм снова всплывает в памяти Эль.

«Я не хочу», – мысленно отвечает она и смело шагает вперед.

Между ними остаются считанные сантиметры, и обонятельные рецепторы Элиноор наполняет знакомый аромат мужского парфюма. Эль улыбается своей храбрости и возникшим в разыгравшемся воображении порочным мыслям и протягивает руки, чтобы коснуться рельефной спины Кристофера, каждый мускул которой подчеркнут темно-графитовой рубашкой, но ее ладони так и остаются зависшими в воздухе.

Кристофер медленно разворачивается, и прежде чем разум Элиноор взрывается от шока, она успевает подумать о том, что обычно ее муж предпочитает белый цвет для своих рубашек.

Она застывает, открыв рот, из которого не вырывается ни звука.

Мужчина, повернувшийся к Элиноор Хант, абсолютно точно, на сто процентов – не ее муж.

Ужас и недоумение лишают дара речи и парализуют двигательные функции организма. В ушах стучит бешеный пульс, и, выпучив глаза, потрясенная женщина смотрит в лицо незнакомца, судорожно вспоминая, где Кристофер хранит пистолет, приобретенный для самообороны.

– Эль, ты в порядке? – Неизвестный тип, вломившийся в их дом, вопросительно смотрит на ее перекошенный рот, бесцеремонно сползая взглядом вниз.

Поглощенный паническим шоком мозг напоминает Элино́р, что она стоит перед вероятным маньяком или грабителем почти голая. Мужчина по-хозяйски уверенно кладет горячую ладонь на женскую талию, и Эль слово прошибает электрическим током. Ее мелко колотит от резко нарастающего страха. Мотая головой, Элино́р издает невнятные звуки. Резко отступает назад, ощущая себя куклой,двигающейся на шарнирах.

– Элли? – Мужской взгляд возвращается к шокированному лицу. Низкий спокойный голос звучит настойчивее, и она начинает задышаться, глядя в непроницаемые глаза цвета ртути. Вторая ладонь незнакомца ложится на тонкую талию, с силой удерживая женщину на месте.

– Да что с тобой, черт побери?

– Убирайся из моего дома... – заикаясь, хрипит Элино́р.

– Я опоздал всего на полчаса. Ты из-за этого так взъелась? Я же предупредил. – Дернув Эль на себя, маньяк нагло склоняется к перепуганному лицу, оставляя легкий поцелуй на пульсирующем виске. – Извини, ладно? Ты фантастически выглядишь...

Чужие губы оказываются на ее шее, и застигнутая врасплох хозяйка дома застывает в полной прострации. Влажное настойчивое прикосновение языка к бьющейся вене посылает очередной взрывной разряд в мозг.

Этого просто не может происходить!

Она спит. Уснула в ванной или бредит.

Или спятила.

– С годовщиной, Эль, – обдав нежную, покрывшуюся от тревоги мурашками кожу горячим дыханием, хрипло произносит незнакомец. – Мне нравится. Каждый день встречай меня так. – Грубоватые пальцы бесцеремонно забираются под резинку кружевного белья, нагло тиская женскую ягодицу. – Ужин потом. Сначала хочу тебя, – заявляет чужак, прижимая парализованную ужасом Эль к своему телу.

В горле начинает что-то клокотать, она чувствует подтверждение услышанных слов. Безумный страх быть изнасилованной каким-то психом в годовщину свадьбы с мужем срывает отрезвляющим образом, возвращая способность мыслить. Резко отпрянув назад, Элино́р с силой бьет мужчину кулаками в грудь. Неожиданный маневр срывает, и чужак отпускает Эль, феноменально изображая удивление.

– Хорошо, давай поговорим. – В знак капитуляции хладнокровный ублюдок поднимает вверх открытые ладони. – Успокойся, ладно? – тон его голоса меняется, оказывая на женщину гипнотическое парализующее влияние. Она вдруг ловит себя на желании кивнуть ему в ответ, а это уже полное безумие. Скрестив руки на груди, Эль пятится к столу с зажженными свечами, ни на секунду не выпуская опасного незнакомца из поля зрения.

Ее первоочередная цель – добраться до заготовленных к праздничному ужину приборов. Нож или вилка. Подойдет что угодно. Задев ногой что-то мягкое, она быстро наклоняется, поднимая с пола свое злосчастное платье, и кое-как прикрывается от настойчивого мужского взгляда.

– Все в порядке, Эль? Скажи мне, что случилось? – Выражение лица незваного гостя выдает обеспокоенность. – Что тебя напугало, милая?

Милая? Она готова поклясться собственными детьми, что никогда раньше не видела этого человека.

– Ты получила мои цветы?

Эль непроизвольно оглядывается. В центре стола красуется ваза с огромным букетом белых роз и запиской, спрятанной среди благоухающих бутонов.

– Спасибо за то, что ты однажды вошла в мою жизнь. Я люблю тебя, – слово в слово цитирует незнакомец.

Элино́р Хант обдает волной жара, от гнева и ярости горит лицо, в то время как ладони ощущаются ледяными и липкими от холодного пота.

Боже, кто этот сумасшедший? Откуда он знает ее имя? Когда успел прочитать послание Криса, и какого черта пахнет так же, как ее муж? Почему на нем его часы и брюки? Она снова оглядывается через плечо. Пиджак по-прежнему висит на спинке стула, там же стоит кейс Кристофера.

– О господи... – видимоВидимо, она произносит это вслух.

Страшное подозрение выбивает почву из-под ног, и, пошатнувшись, Эль успевает схватиться за край столешницы, что спасает ее от позорного падения к ногам маньяка.

Нет, нет. Пожалуйста, пусть все это окажется кошмарным сном. В голове всплывают многочисленные жуткие истории о психопатах, забирающихся в дома и убивающих целые семьи. Кровавые подробности расправ одна за другой мелькают перед глазами.

Со мной этого никогда не случится – самое опасное из заблуждений.

– Что ты с ним сделал? – голос Эль дрожит, как и она сама.

Ее худшие опасения не лишены оснований. Стены этого дома только на первый взгляд хрупкие и невесомые. На самом деле они оснащены самой современной и надежной системой безопасности. Особняк находится в десятках километров от ближайшего населенного пункта, и, разумеется, Кристофер позаботился о том, чтобы никто не смог навредить его семье.

А это значит... Это значит...

– С кем, Элино́р? – Мужчина делает шаг вперед, убирая в карман руку, на запястье которой минутой ранее Эль узнала часы мужа.

Решив, что чужак собирается достать оружие, она громко кричит, судорожно нащупывая на столе за спиной нож. Платье снова соскальзывает под ноги, но ей уже все равно и... она нашла то, что искала. Устрашающе зарывав, Элино́р выставляет вперед руку с зажатым в ладони острым ножиком для стейка средней прожарки. Именно так любит Крис.

– Только попробуй приблизиться, – шипит она, стуча зубами. Ее трясет, в голове расплзается алый туман. Она просто так не сдастся. Если этот больной ублюдок убил Кристофера, то... Нет, нет, Крис жив. Он жив!

– Всего лишь телефон, Эль. – Ни один нерв не дергается на спокойной физиономии психа. В его длинных пальцах и правда мобильник. Женщина издает мучительный вопль, глаза разъедают соленые слезы.

Это смартфон Криса.

Всхлипнув, она вытирает слезы кулаком, продолжая угрожающе размахивать ножом. Эль готова драться до последнего, но часть ее уже смирилась с поражением, а другая находит утешение в мысли, что ее дети в данный момент в безопасности.

Она обещала забрать их утром и купить новый глаз для плюшевого медведя.

Боже, она может никогда не увидеть своего белокурого ангелочка Джонаса и зеленоглазую малышку Милли. Что может быть ужаснее, чем никогда не увидеть, как растут свои дети?

– Что ты сделал с моим мужем, ублюдок? – кричит Эль обезумевшим от дикой боли голосом.

– Прочитай, – быстро набрав сообщение в чужом гаджете, приказывает полоумный подонок. Смарт-часы Элинор оповещают о входящем письме. Скосив взгляд на запястье, она бегло читает высветившийся текст.

«Ты перенервничала, давай успокоимся. Я знаю, как тебе помочь, Эль. Позволь мне сделать это».

– Иди. На. Хер. Урод! – по слогам ожесточенно бросает Эль. Глаза мужчины стекленеют, приобретая оттенок холодной стали.

– Все, хватит! – жестким тоном произносит он и молниеносным движением выбивает ножик из руки Элинора.

Она отчаянно сопротивляется, но вся потасовка длится не дольше двадцати секунд. Мужчина хватает Эль за запястья, зажимая между своим каменным телом и столом. Сквозь рев крови в венах она слышит звон бьющейся посуды вперемешку с собственным утробным рычанием. Инстинкт самосохранения берет верх над паническим страхом, и каким-то чудом ей удается вывернуться и ударить ублюдка коленом в пах. Это дает Эль необходимую фору. Всего несколько секунд, но их оказывается достаточно, чтобы убежать от согнувшегося и шипящего от боли психопата.

Скинув туфли, в одних трусах, Элинора с олимпийской скоростью несется к входной двери. Чертов замок не поддается, и она несколько раз безуспешно дергает ручку, теряя с таким трудом отвоеванное время. Разъяренно ударив кулаком по двери, Эль разворачивается и бежит к лестнице, за мгновение минует два пролета и, пролетев мимо детской, запирается в ванной комнате.

Привалившись спиной к кафельной стене, Элинора Хант обессиленно сползает на пол, трясущимися пальцами убирая с лица растрепанные волосы. Сердце колотится так сильно, что болят ребра, легкие печет от нехватки кислорода. Эль отчетливо понимает, что это убежище – лишь временная передышка. Она по-прежнему находится один на один в доме с опасным маньяком, который в любой момент без труда выломает дверь и расправится с ней. Есть только один мизерный шанс спастись. Отчаянно всхлипывая, Элинора набирает 911 на своих часах.

– Служба спасения. Чем я могу вам помочь? – отвечает женский голос, и она плачет от облегчения.

– Пожалуйста, мой муж... – пытается выговорить Эль, захлебываясь от рыданий.

– Как вас зовут, мэм?

– Элинора Хант. Мне угрожает опасность... – Она замолкает, не услышав, а почувствовав движение по ту сторону двери.

– Ваш адрес определился, Элино́р. Мы отправили сигнал в полицию. Помощь подоспеет в ближайшее время. Постарайтесь успокоиться и оставайтесь на линии. Скажите, Элино́р, какая именно опасность вам угрожает?

– Мой муж... – Боль и страх раздирают сердце. У Эль не хватает смелости, произнести ЭТО вслух. Она дергается всем телом, когда дверь начинает ходить ходуном от сыплющихся на нее мощных ударов. Забившись в угол, женщина до крови кусает костяшки пальцев, приготовившись к самому худшему.

– Вы ранены? – спокойному голосу оператора удается на долю секунды переключить ее внимание от надвигающегося кошмара.

– Нет... – сбивчиво отвечает Эль, невидящим взглядом уставившись на свои окровавленные костяшки.

– Ваш муж угрожает вам? У него есть оружие? – допытывается оператор.

– О господи! Помогите! – она отчаянно кричит, заметив, как одна из петель отрывается от косяка. – Быстрее! Дверь долго не выдержит.

– Отряд уже выехал, мэ́м. Вы можете припереть дверь чем-то тяжелым?

– Нет, я в ванной... Мне страшно. Умоляю вас, быстрее!

– Вы так и не ответили, у вашего мужа есть оружие?

– Вы не понимаете. Это не мой муж. Это не он...

Глава 2

Элино́р просыпается от собственного непрерывного крика и задыхающихся рыданий. Височные доли пульсируют от тупой боли, и каждый вдох приносит мучительные страдания. Оторвав голову от пропитанной потом подушки, она тут же падает обратно, глухо застонав от пронзивших голову спазмов.

– Тихо, Эль, тебе не стоит сейчас делать резких движений, – сначала она слышит обеспокоенный голос Тэм, а потом чувствует прикосновение к дрожащим плечам теплых заботливых ладоней.

Тэмзин гладит Элинора по волосам, говорит что-то успокаивающее и подносит к губам стакан с водой.

– Давай, милая, выпей и дыши как можно глубже. Все хорошо, Элли. Ты умница.

Разлепив отекшие глаза, Элинора различает склонившуюся над ней Тэмзин и узнает обстановку супружеской спальни. Мягкий полумрак щадит ее зрительные рецепторы, защищая от новой волны боли.

– Тэм, мне приснился жуткий кошмар, – всхлипнув, Элинора порывисто обнимает подругу, поправляющую подушку под ее головой.

– Я знаю, Эль, – отвечая на ее объятье, ласково говорит Тэмзин. – Все в порядке. Ты в безопасности.

– Так хорошо, что ты здесь. – Сморгивая непроизвольные слезы, Элинора все еще ощущает сотрясающий собственное тело озноб.

Так дерьмово она не чувствовала себя со дня аварии, когда очнулась в больничной палате, парализованная дикой головной болью и одним единственным желанием – умереть, лишь бы не испытывать никаких эмоций.

– Это было так реально, Тэм, – хрипло бормочет Эль, уткнувшись в пахнущее чем-то цветочно-сладким плечо подруги. – Он стоял там... в гостиной, в одежде Криса, с его телефоном, и я подумала... Тэм, я была уверена, что этот псих убил Криса.

Облачив пережитый ужас в слова, она ощущает, как огромный камень освобождает грудную клетку.

– Тебе показалось, что в дом забрался посторонний? – ласково поглаживая ее по спине, мягко спрашивает Тэмзин. До Эль не сразу доходит, что она имеет в виду, но, услышав второй вопрос, Элинора вновь леденеет, чувствуя, как затухший

страх вспыхивает с новой силой: – Ты поэтому вызвала полицию?

– Что? – Резко отстранившись, Эль потрясенно всматривается в встревоженные голубые глаза Тэми. – Это не сон? Он действительно здесь был?

– Кто – ОН, Элли? – участливо переспрашивает Тэмзин.

– Откуда я знаю, кто – ОН? – ожесточенно восклицает Эль в обеспокоенное лицо Саммерс. – Больной извращенец или маньяк. Или оба сразу.

– Ты уверена, что тебе не померещилось? – и И снова этот ее тон, которым она успокаивает своих депрессивных клиентов.

– О чем ты говоришь? – Отпрянув назад, Элинон вжимается в изголовье кровати и, подтянув колени к груди, обнимает их обеими руками. – Конечно я уверена! Этот мудака пытался меня изнасиловать, а потом выломал дверь в ванную.

– А что было потом, ты помнишь? – нахмурив изящные брови, выпытывает Тэм, а Эль ловит себя на сильнейшем желании вlepить подруге оплеуху, чтобы та перестала говорить с ней, как с душевнобольной или полоумной.

– Нет... – Вместо этого она морщится от боли, пытаясь восстановить оборванную цепочку событий, но последнее, что сохранилось в памяти, – ее отчаянный вопль и слетевшая с петель дверь. – Наверное, он оглушил меня и смылся, испугавшись полиции, – Элинон выдает единственную логическую версию, но сомнение в выразительных глазах Тэм дает понять, что ей известно куда больше, чем она говорит. – Они же приезжали? Полицейские?

– Приезжали, Элли, – кивает Тэмзин, продолжая внимательно изучать восковое лицо подруги.

– И? – возбужденно спрашивает Эль, особо не надеясь на продуктивный ответ. – Его удалось задержать?

– В доме никого не было, кроме тебя и Кристофера, – задумчиво произносит Саммерс. – Никто не взламывал дверь в ванную комнату, Элли, – добавляет после непродолжительной паузы, которой оказывается недостаточно, чтобы

Элино́р успела осмыслить услышанные слова.

– Как это не взламывал? – Откинув в сторону одеяло, Эль вскакивает с постели. В голове словно что-то взрывается, в глазах темнеет, и, охнув, она оседает на край кровати.

– Крис разблокировал замок, Эль. Дверь не пострадала, – сочувствующий голос Тэмзин Саммерс снова оказывается очень близко. Она садится рядом с Элино́р, обнимая ее за дрожащие плечи, и привлекает к себе. – Ты была не в себе, и Кристоферу пришлось дать тебе успокоительное.

– Все было не так, – почти беззвучно бормочет Эль.

Зажмурившись, она видит алые всполохи за сомкнутыми веками. По ослабевшему телу расползается жар. Это какое-то непрекращающееся безумие. Так хочется заткнуть уши ладонями и спрятаться с головой под одеяло. Переждать этот гребаный апокалипсис в полной темноте.

– Он был так напуган, когда позвонил мне. Я сразу приехала, как только смогла, – продолжает Тэмзин.

– Крис... – с хриплым стоном срывается с губ Эль имя мужа.

У нее почти не осталось сил сопротивляться и доказывать, что она не свихнулась и видела то, что видела. И она концентрируется на том, что наиболее важно.

– Я чуть не умерла, думая, что... С ним все хорошо? – Повернувшись к Тэм, она порывисто сжимает ее руки в своих, с надеждой глядя в голубые глаза. – Ты видела его?

– Конечно, я его видела, Эль, – заверяет подруга. – Он немного в шоке от твоей истерики, но...

– Пстой, а Джо и Милли? Они с тобой? Ты привезла их? – не дав Тэмзин договорить, возбужденно спрашивает Эль. На лице Саммерс появляется обескураженное выражение, от которого в жилах Элино́р Хант леденеет кровь.

- Джо и Милли? - Тэм озадаченно сдвигает брови. - Кто это, Элли?

- Мои дети! - исступленно кричит Эль, чувствуя, как ледяной ужас проникает в вены. - Где они, твою мать? - Схватив Саммерс за плечи, она изо всех сил встряхивает ее.

- Элиноор, успокойся! Хватит! Прошу тебя!

- Где мои сын и дочь? Говори! - как обезумевшая рычит Элиноор, с невероятной силой впечатывая Тэмзин в стену. - Я сама отвезла их тебе этим утром!

- Мы не виделись больше месяца, Эль! Ты пропустила последний сеанс.

- Какой, к черту, сеанс? Где мои дети?

- У вас с Крисом нет детей, Элиноор, - четко выговаривает Саммерс, тем самым загоняя по рукоятку нож в агонизирующее сердце Эль. - Это одна из причин, по которой вы с Крисом обратились ко мне четыре года назад. Помнишь, Элли?

- Ты врешь. Врешь! - задыхаясь кричит Элиноор, ударив Тэмзин затылком о стену. - Ты знаешь, что я была беременна Джоном, когда произошла авария. Я чудом выжила и...

- Выжила только ты, - глядя в глаза Эль, уверенно произносит Тэмзин Саммерс. - Ребенок родился мертвым.

- Нет... - отшатнувшись, Элиноор отрицательно мотает головой. Грудную клетку разрывает от боли, гнева и ярости. Это ложь. Ложь. Нелепая, дикая, жестокая.

- Мне так жаль, Элли. - Тэм шагает вперед, собираясь заключить Эль в объятия. - Позволь мне помочь...

- Ты свихнулась! - выплевывает Элиноор и, вновь вцепившись в лацканы элегантного пиджака Тэмзин, встряхивает ее, как тряпичную куклу. - Я убью тебя, если ты что-то с ними сделала, - яростно обещает Эль и, оттолкнув лживую суку, резко направляется к двери.

Идти оказывается очень тяжело. Тело кажется чужим, неуправляемым. Элино́р потряхивает от слабости, каждый шаг дается с болью, усиливая головокружение. Пару метров – и остановка, чтобы отдышаться. К горлу подкатывает тошнота, сердце разбивается о ребра с каждым новым ударом.

– Это ненормально, что меня так накрывает, – вслух рассуждает Эль. – Успокоительное! Да. Они чем-то накачали меня.

Оказавшись в коридоре, Эль дает себе секунду, чтобы передохнуть, и, придерживаясь за стену, продолжает идти вперед. Необходимо добраться до детской. Она не сумасшедшая. Это Саммерс обезумела. Тэм всегда ей завидовала. В глубине души Эль чувствовала, что Саммерс хотела бы оказаться на ее месте, и не раз замечала, как она смотрит на Крису.

– Элли, что ты творишь? Приди в себя! Куда ты собралась? Ты едва держишься на ногах. – За спиной раздается стук каблуков Тэмзин.

– Пошла к черту, дрянь. Ты не получишь мою семью, – не оглядываясь, агрессивно отзывается Элино́р.

– Я хочу помочь тебе, Эль. Послушай меня...

– Заткнись, сука! – рывкает Элино́р, распахивая дверь в детскую.

Застыв на пороге, она издает истошный вопль, взрывающий барабанные перепонки. В голове раздается скрежещущий треск, и Эль сгибается от дикой боли в затылке, висках – везде. Ноги подкашиваются, и она падает на колени. Глаза слезятся от дикого напряжения, пока она с ужасом обводит взглядом расставленные вдоль стен незаконченные идентичные портреты. Их так много. Не меньше дюжины. На всех одно и то же мужское лицо с недостающими деталями.

Вместо кроваток малышей и стеллажей с одеждой и игрушками – полки с кисточками, красками, чистые холсты и мольберт у центрального окна, на котором закреплена последняя законченная работа. Не дыша Элино́р смотрит в изображенные на портрете глаза цвета ртути, в глубине которых клубится тьма, пожирающая ее сознание. Туман становится гуще, опутывая ее, словно кокон. Голова взрывается от переговаривающихся голосов.

– У меня не выходит! Не получается!

– Ты слишком спешишь.

– Я боюсь не успеть.

– Мы все этого боимся, Эль. Каждая прошедшая секунда становится прошлым. Расслабься и позволь времени течь сквозь пальцы, и, поверь, тогда все получится.

– Хватит! Замолчите! – отчаянно умоляет Элинон.

Она бьет себя по щекам, пытаясь проснуться, но ничего не происходит, только звон в голове усиливается, прогоняя голоса. Ее выворачивает наизнанку прямо на белый мраморный пол комнаты.

– Я этого не рисовала! – хрипит она, почувствовав, как чьи-то сильные руки тянут ее вверх. – Я не рисовала!!!

– Это твой подарок, Эль. Твой подарок для меня, – произносит низкий мужской голос из ее кошмара. – Ты очень старалась успеть и нервничала, что у тебя не выходит.

– Нет, нет, – всхлипывает Элинон и перестает дышать, прочитав надпись в уголке написанного портрета: «Самому важному человеку в моей жизни». Это ее почерк, и роспись, и стиль, но она точно знает, что не притрагивалась к краскам после рождения Джонаса. Да она уверена в этом, черт побери, как в том, что человеческий организм не выживет без кислорода.

– Он идеален, Элинон. Я никогда не сомневался, что у тебя невероятный талант. – Теплое дыхание раздувает волосинки на ее затылке, горячие ладони крепко сжимают талию, разворачивая Эль на сто восемьдесят градусов. Ее воспаленный взгляд останавливается на лице с портретов, которыми завалена детская, и, отчаянно всхлипнув, она проваливается в спасительную темноту,

безвольно повиснув в руках незнакомца, притворившегося ее мужем.

Когда она снова открывает глаза, спальню заливают яркий солнечный свет. В приоткрытое окно залетают звуки улицы. Шелест ветра и безмятежное пение птиц. Утро. Может быть, даже полдень. Приподнявшись на локтях, Элинон оглядывается по сторонам, отмечая, что движение не приносит физического дискомфорта. Головная боль ушла, чего нельзя сказать о той, что терзает сердце.

Она помнит все, что происходило в последние сутки. Безумие, которому нет ни малейшего объяснения. И хотя она проснулась в своей постели, в любимой шелковой пижаме, а на прикроватной тумбочке стоит остывающий кофе и блюдце с круассанами, она уже знает, что это новое пробуждение не принесет ей спасение от жутко-реального сна. Она в западне. Своего разума или тайного замысла человека, решившего превратить ее жизнь в ад.

– Привет, Элли, – личный дьявол появляется, стоит ей упомянуть его в своих мыслях.

Проглотив яростное желание запустить в убудка чем-нибудь тяжелым, она молчит, до скрежета стиснув зубы, удостоив чужака только полным ненависти взглядом. Сукин сын вырядился в спортивные штаны и футболку ее мужа.

Больной придурок. Это не сработает.

Он абсолютно не похож на Кристофера, несмотря на то, что они носят один размер. У Криса средне-русые волосы, голубые глаза и бледная кожа, мгновенно обгорающая на солнце, а когда он улыбается, на его щеках появляются ямочки, в которые она безоглядно влюбилась много лет назад. Никто не отнимет у нее эти годы, никто не заставит усомниться в их общих воспоминаниях.

– Ты проспала восемь часов. Тэмзин считает это хорошим знаком. – Чужак оставляет дверь приоткрытой, проходя внутрь. Его улыбка пустая и холодная. Нельзя сыграть то, что не чувствуешь.

Это не он. Не он.

А значит, ей нужно понять его мотивы, чтобы решить, как действовать дальше, как вернуть своих детей и настоящего мужа, а еще необходимо разобраться, как этот урод связан с Тэмзин, и какого черта она ему помогает.

- Не хочешь разговаривать? - вкрадчиво спрашивает мужчина.

Эль отрицательно качает головой. Сняв в кулаках пододеяльник, с небыющим сердцем она наблюдает, как он неторопливо приближается. Бесшумно, словно змея, или паук, или любая другая мерзкая тварь. Безмятежно улыбается, присаживаясь на край кровати. Протянув руку, убирает выбившийся локон за ухо Элинора.

- Как ты себя чувствуешь, Элли? - его вкрадчивый неторопливый голос опутывает невидимыми вибрациями, сбивает с толку. Это похоже на гипноз или наваждение.

- Мне нужен мой телефон, - выдавливает из себя Эль и, не выдержав напряжения, отводит взгляд в сторону.

- Он здесь, в тумбочке. - Чужак открывает ящик, и Элинора недоверчиво смотрит на лежащий внутри гаджет. - Снова будешь звонить в полицию? - с ноткой усталости уточняет он, когда Эль жадно хватается за мобильник.

Разблокировав экран отпечатком пальца, она листает журнал вызовов. Последний звонок с телефона был сделан вчера в семь часов вечера. Эль звонила Тэм, чтобы напомнить про игрушку дочери. Полицию она вызвала при помощи часов.

- Что ты им сказал? - требовательно спрашивает Элинора.

- Им?

- Полицейским.

- Правду, Эль.

- И они поверили, что ты Кристофер Хант?

- А почему бы им сомневаться в этом?

- Потому что это ложь, - агрессивно бросает Элинор.

- Докажи, - невозмутимо парирует ублюдок.

Она изумленно вскидывает голову. Это признание или провокация? Или зашкаливающая самоуверенность? Их взгляды сталкиваются в немом противостоянии. Эль замирает, попав под подавляющее влияние светло-серых глаз.

От чужака исходит леденящая душу опасность, кроющаяся за каждым жестом, словом, взглядом. Нет сомнений, этот человек способен на что угодно, на любую гнусность. Если она продолжит бросать ему вызов, то может никогда больше не увидеть Джонаса и Милли. От мысли о том, что они проснулись этим утром вдали от нее, все внутренности несчастной матери сжимаются в тугой комок. Они никогда не расставались надолго, и Элинор чувствовала опустошающую боль от невозможности быть сейчас рядом с детьми. Милли еще совсем малышка, и никто кроме матери не сможет позаботиться о ней правильно, а у Джонаса аллергия на лактозу. Эль молила Бога только об одном - чтобы ее детям не причинили вреда, и лелеяла в душе надежду, что Кристофера держат вместе с ними, что он жив и сможет защитить малышей.

- Легко, - наконец произносит Элинор, открывая галерею с фотографиями, уверенная, что там найдется около тысячи кадров доказательств ее правоты. Но то, что она видит, листая многочисленные снимки, вводит Эль в полнейший ступор.

- Ты взломал мой телефон, - очнувшись, она яростно бросает обвинение в лицо ублюдку. - Я оставила его в детской. Это было проще простого, - бормочет надтреснутым голосом.

Одну за другой Элинор открывает знакомые фотографии с одним единственным изменением, присутствующим на каждом совместном снимке -: вместо лица Кристофера Эль видит гнусную физиономию чужака - и ни одного единого кадра с Милли и Джонасом.

– Ты стер моих детей, сукин сын. – Стиснув телефон в ладони, она яростно смотрит в стальные глаза мужчины.

– Зачем мне это делать, Эль? – сдержанно спрашивает он.

– Это ты мне скажи, какого черта тебе нужно от моей семьи?

– Я твоя семья, Эль. И это ты хочешь стереть меня, и я не могу понять почему.

– Я тебя не знаю, – цедит она по слогам.

– Меня зовут Кристофер Хант. Я твой муж. Я могу показать тебе удостоверение личности и свидетельство о браке, но это тебя не убедит, так?

– Ты наверняка их подделал! – взбешенно бросает Элинор.

– Зачем? Задумайся, для чего мне это нужно? Выкуп? Это просто смешно. А Тэмзин? Зачем ей лгать? Если хочешь, позвони Келли. Или ты и мою тетю считаешь соучастницей? Она уже на пути сюда, чтобы помочь тебе восстановить провалы в памяти.

– У меня нет никаких провалов! – шипит Эль, до хруста стиснув кулаки.

– Это ты так думаешь, – спокойным до тошноты голосом возражает чужак.

– Я не сумасшедшая.

– Я этого не говорил. – Он наклоняется вперед, и их лица оказываются на одном уровне. В раздувающиеся ноздри Элинор проникает родной аромат мужа, и ее мутит от страха и отвращения, хотя она сама много лет назад выбрала для Кристофера этот запах. – У тебя уже случались вспышки диссоциативной амнезии. Это происходило, когда ты переставала пить лекарства.

– Ложь, – отрицательно тряхнув головой, бросает Эль. – Я абсолютно здорова.

– В последние месяцы ты часто жаловалась, что таблетки влияют на твои художественные способности, – тем же тоном продолжает мужчина. – Ты говорила, что твои пальцы дрожат и линии получаются нечеткими. Вероятно, ты снова бросила пить лекарства, потому что не могла закончить портрет.

– Что за бред ты несешь?

– Это не бред, Эль, – знакомый голос заставляет Элинон вздрогнуть от неожиданности.

Оторвавшись от ненавистного лица, она переводит взгляд на стоящую в дверях высокую стройную шатенку, взирающую на нее со смесью сочувствия и сожаления. Элегантное коралловое платье сидит идеально, подчеркивая все достоинства идеальной фигуры, и, несмотря на яркий цвет, не выглядит вульгарным. Возраст гостьи с ходу определить проблематично. Келли Хант из тех женщин, кто шесть часов в сутки отдает уходу за своей внешностью, а остальное время – сну и удовольствиям. Правда, она заикалась как-то, что у нее есть работа... Как-то между путешествиями, салонами красоты и прогулками по бутикам.

– Я не ждал тебя так рано, – буднично произносит самозванец, обращаясь к вошедшей.

– Келли... – Элинон потрясенно выдыхает имя единственной близкой родственницы мужа. К ставшему обыденным чувству ужаса и шока добавляется изумление.

Эль много лет знакома с Келли Хант, чтобы сомневаться в ее реакции на присутствие чужака, называющегося именем Кристофера, но именно это она и делает – сомневается. После скоропостижной смерти сестры от тяжелой болезни Келли Хант принимала активное участие в воспитании Кристофера и вряд ли может перепутать любимого племянника с кем-то другим, а значит, ее вынудили притворяться и принимать участие в этом ужасающем фарсе.

Крис, как и Эль, рано лишился матери. Это был один из общих факторов, что когда-то сблизили их. У обоих имелись любящие отцы, у Криса – заботливая тетя, а у Эль – мачеха и младший брат, но они все равно чувствовали себя одинокими. У одиночества нет социальной градации, это чувство одинаково терзает каждого

из нас. Богатая девочка и бедный мальчик дали друг другу то, что не смогли все остальные, они создали свой идеальный маленький мир и были в нем по-настоящему счастливы, пока не появился чужак, разрушив за один день то, что строилось с таким трудом.

Келли Хант переступает порог спальни и медленно приближается к постели. Поравнявшись с псевдо-Кристофером, она кладет руку на его плечо и, наклонившись, по-родственному тепло целует в щеку.

– Пришлось ускориться. Поняла, что без меня ты не справишься, – негромко отзывается Келли.

Эль не верит собственным ушам. Отказывается верить глазам.

Почему? Почему, черт возьми, они все это делают с ней?

В горле застревает отчаянный стон. Если Келли лжет, то кому верить? Эль чувствует, как все краски отливают от лица и леденеют пальцы на руках и ногах.

– Оставь нас, Кристофер. Я сама поговорю с твоей женой, – строго произносит Келли, остановив на Эль обеспокоенной взгляд.

– Я буду в кабинете, – не возражает лживый извращенец. Элинор передергивает, когда он касается ее щеки тыльной стороной ладони. Длинные черные ресницы опускаются, и она физически ощущает его взгляд на своих губах.

– Зайдешь, как будешь готова обсудить проблему? – мужские пальцы властно подхватывают ее подбородок. – Прошу, Эль, подумай о том, что не ты одна страдаешь. Я чувствую полное бессилие, когда ты такая. – Подушечкой большого пальца он проводит по ее нижней губе, и Эль резко уклоняется, одарив его ледяным взглядом.

– Не смей сравнивать. Ты даже приблизительно не можешь понять, что я сейчас чувствую, – грубо бросает она, шумно втягивая воздух. Темные ресницы мужчины вздрагивают, но он встает быстрее, чем Эль успевает поймать его взгляд.

– Ты знаешь, где меня найти, если возникнет желание поговорить, – с этими словами самозванец стремительно покидает спальню.

Глава 3

Дышать стало легче, как только за фальшивым мужем закрылась дверь. Никогда еще присутствие другого человека так сильно не подавляло Элино́р, высасывая все жизненные силы, как это происходило в минуты взаимодействия с тем, кто только что покинул спальню.

Встав с кровати, она подходит к окну. В теле ощущается странная необъяснимая легкость, но в голове все еще стоит легкий туман. Однако он не влияет на ее когнитивные способности. Она знает, что у нее нет никакой амнезии. Ни одна женщина не сможет достоверно придумать процесс родов, если никогда этого не переживала в реальности. И Эль имеет в виду не боль. Существуют шрамы, напоминающие о потерях и страданиях, о событиях, оставивших след, выжженное клеймо в душе. Но есть и другие шрамы. Она называет их счастливыми. И боль, через которую они запечатываются в сердцах, несет благословение.

Она помнит, как плакала от счастья, когда Джона́са положили ей на грудь. Крошечного, но уже очень звонкого. Малыш кричал так, что у нее уши закладывало, и первый год Эль практически не удавалось нормально высыпаться. Джо постоянно требовал материнского присутствия и делал это очень и очень громко, а когда Элино́р забеременела дочкой, внезапно успокоился, словно почувствовал, что скоро у него появится соратница для игр.

Малышка Милли родилась точно в срок и немного крупнее, чем старший брат. И второй счастливейший момент в жизни Элино́р – распахнутые мутноватые глазки, с любопытством взирающие на нее. Считается, что маленькие дети плохо видят в первые дни своей жизни, но только не Милли. Она смотрела на плачущую маму во все глаза. Разве можно забыть это чувство безграничной эйфории, ощущение чуда и прилив безусловной любви от первой встречи с маленьким существом, пришедшим в этот мир, чтобы стать самым важным в жизни родителей? Самой большой любовью и одновременно самым большим страхом.

Шумно вдохнув воздух, Элино́р морщится, словно проглотила что-то горькое, и шире распахивает окно. Ей необходимо выветрить отсюда въедливый запах мужского парфюма. Она больше никогда не сможет спокойно реагировать на этот аромат. От бессильной злобы сводит зубы, но она не собирается показывать свою слабость перед врагами. А в том, что в этом доме у Эль не осталось друзей, сомнений нет. Она обязана быть хитрее и сдержаннее, не взрываться, не кидаться на них, ставя под сомнение каждое слово. Действовать так же, как они, притвориться, что верит, выиграть время и потихоньку выбраться из дома. А дальше уже дело полиции.

Келли все это время молчит, но Эль ощущает на себе изучающий взгляд, внимательно следящий за каждым ее передвижением. Элино́р вновь охватывает напряжение, нарастающее с каждой последующей минутой молчания. Оторвав взор от безмятежной зеркальной глади озера, стелящегося от подножия холма до самого горизонта, она задерживает внимание на очередной фальшивке, замеченной на туалетном столике. Фото из свадебного путешествия.

Денег у молодоженов почти не было, все, что удалось заработать Крису, ушло на свадебное платье Эль, кольца и билеты до Парижа. Банальный выбор, но для них этот город и крошечный номер двухзвездочного отеля в пешей доступности от Елисейских полей стал своеобразным символом становления их семьи. И Эль переполняет гремучая ярость от того, кто-то осмелился посягнуть на принадлежавшее только им двоим.

– Красивое фото, – проследив за ее взглядом, с улыбкой произносит Келли. – Вы оба такие счастливые здесь. Ты просто светишься, а Крис похож на голливудского актера.

Элино́р скептически поджимает губы, с испепеляющим гневом глядя на чужое и ненавистное лицо мужчины, обнимающем ее на снимке.

– Того, что играет Ганнибала Лектора в «Молчании ягнят»? – холодно отзывается она.

– Элли, – укоризненно вздыхает Келли, и Эль снова срывается:

– Ты тоже будешь настаивать на том, что я сошла с ума, забыла собственного мужа и придумала двоих детей? – нападает, благополучно забив на то, что еще секунду назад обещала себе быть сдержаннее.

– Давай спустимся на кухню и спокойно обо всем поговорим. Я заварю тебе твой любимый ежевичный чай. – Келли максимально непринужденно и миролюбиво отвечает на яростную тираду Элиноор и выразительно кивает на кружку с остывшим напитком и засыхающие круассаны. – Твой кофе, по-моему, замерз. Можем вместе приготовить тыквенный пирог? – Считав исходящую от Эль неуверенность, мисс Хант продолжает вести себя так, словно не происходит ничего из ряда вон выходящего.

Проглотив горький комок, вставший поперек горла, Эль медленно кивает. Можно сколько угодно отстаивать свою правду, но чтобы покинуть захваченный незнакомцем дом и попросить помощи у полиции, ей для начала нужно выбраться хотя бы из спальни.

– Пошли. – Накинув шелковый халат поверх пижамы и сунув ноги в мягкие тапочки, не удостоив родственницу мужа даже мимолетным взглядом, Эль уверенно пересекает комнату и выходит в коридор. Келли молча следует за ней, не отставая ни на шаг и не донимая разговорами. Уверенность подводит Эль напротив дверей в смежную с детской спальню, которую она занимала, чтобы быть поближе к своим детям. На глаза наворачиваются слезы, стоит вспомнить, как Джонас, едва проснувшись, прибежал к ней с утра и забирался в постель, чтобы получить порцию утренних объятий.

– Что такое, Элиноор? Хочешь зайти? – раздается за спиной вопросительный голос Келли. Ничего не ответив, Эль протягивает руку и, нажав на ручку, тихонько толкает дверь. Она задерживает дыхание, отчаянно пытаясь не выдать своего истинного состояния. В конце концов, увидеть полностью измененную детскую было куда страшнее, чем это...

На кровати, где Элиноор так часто засыпала, обнимая своих детей, лежит аккуратно сложенная одежда Тэм. Никаких погремушек, бутылочек и игрушек на прикроватных тумбочках. Теперь территория, что она делила с Джонасом и Милли, состоит из студии и гостиной, где ночуют незваные гости. И дверь в ванную комнату... Она действительно на месте.

Незаметно вытерев скатившуюся слезу, Элино́р стоически принимает очередной четко рассчитанный и спланированный удар.

– Как часто Тэм остается на ночь в моем доме? – сухо спрашивает она, захлопывая дверь и поворачиваясь лицом к тетушке Келли.

– Это твоя подруга. Откуда мне знать, как часто ты приглашаешь ее в свой дом, – женщина очень достоверно разыгрывает удивление, и сказанные слова не лишены логики.

– Вчера я ее не приглашала, – уверенно произносит Элино́р. Выражение лица Келли смягчается, в прозрачно-голубых глазах проскальзывает жалость.

– Вчера был исключительный случай, и Кристофер был вынужден попросить Тэмзин приехать, – отвечает родственница.

– Ладно, с этим разобрались. – Решив не акцентировать внимание на очередном вранье, Элино́р спускается по лестнице в гостиную, где от вчерашнего погрома не осталось ни следа.

Не задерживаясь там дольше необходимого, она проходит на кухню и застывает возле обеденного стола. Эль была готова к тому, что увидит, но это не мешает лавине адской боли обрушиться на кровоточащее материнское сердце. Примагниченный снимок улыбающихся Джо и Милли исчез, его заменили сляпанные в фотошопе фотографии Эль и сероглазого чужака.

Взгляд Элино́р перескакивает на свадебное фото в рамке на полке. Оно стоит точно в том же месте, и только лицо мужчины, смотрящего в объектив, совсем другое.

Эмоции оказываются сильнее голоса разума. Элино́р не успевает осознать до конца, что творит, когда хватает фотографию и со всей яростью, на которую способна, запускает в стену. Стекло́нная рамка разлетается на множество осколков, и только сам снимок ни капли не страдает. Вытащив его из-под груды острых стекляшек, она собирается продолжить расправу, пока не останется и пыли от чужой изощренной игры.

– Элли, хватит! Перестань! – громко окликает ее Тэмзин, появившись словно из-под земли.

Какого черта она все еще тут? Что им всем от нее нужно?

– Прошу тебя, милая, прекрати терзать себя, – рядом с лживой подругой плечом к плечу встает Келли Хант. Они обе смотрят на нее как на умалишенную, и это намного хуже, чем жалость, которую минуту назад Эль увидела в глазах женщины, вырастившей ее мужа.

– Поверь, мы здесь чтобы помочь. Никто не желает тебе зла, – снова вмешивается Тэмзин Саммерс. Холеная блондинистая сука в идеально сидящей элегантной блузке под цвет глаз и обтягивающей точеные бедра узкой юбке, не скрывающей бесконечную длину ног. Она выглядит роскошно, словно гребаная модель с обложки модного журнала, и Эль ненавидит гостью за это еще сильнее.

– У нас с вами разное понимание зла, – раздраженно огрызается Элинор.

– Ты сможешь это узнать наверняка, только когда выслушаешь нас наконец, – сдержанно отвечает Келли Хант и, отодвинув один из стульев, садится первая, жестом предлагая Эль занять соседний. Вспомнив, что стоит на кону, Элинор делает над собой усилие и послушно опускается на сидение.

– Так-то лучше, милая, – удовлетворенно произносит Келли, ободряюще улыбаясь. – Мы во всем разберемся. Вот увидишь! – оптимистично добавляет она, погладив Эль по плечу.

– Я сделаю чай, – с энтузиазмом вызывается Тэмзин, начиная суетиться возле плиты.

– Давай вернемся к вчерашнему вечеру. Что ты помнишь? – воспользовавшись покладистостью Элинор, Келли сразу переходит к главному вопросу.

– Ты серьезно? – Скрестив руки на груди, Элли откидывается на спинку стула, принимая вызывающую позу.

– Абсолютно, – подтверждает Келли. – Чтобы понять суть проблемы, мы должны ее обсудить. Разве нет?

И хотя произнесенные слова не лишены смысла, разум Эль воспринимает все сказанное в штыки.

– Я бы предпочла, чтобы этот диалог состоялся в полицейском участке.

– Это можно устроить, Элли, – сдержанно соглашается Келли. – Напомню, что полицейские, приехавшие вчера по твоему вызову, не нашли никаких причин, чтобы усомниться в подлинности личности Кристофера. Поэтому хорошенько подумай о возможных последствиях. Что будет, если ты ошибаешься?

– Пусть о последствиях думает человек, прячущийся в кабинете Кристофера, – не собираясь поддаваться на провокации, парирует Эль.

– Кристофер никогда не прячется от проблем, и ты лучше всех знаешь об этом, – возражает Келли.

И здесь она абсолютно права, за исключением того, что человек в кабинете ее мужа – не Кристофер.

– Его здесь нет только по одной причине – он беспокоится о твоём душевном состоянии, как и все мы.

– Тогда почему, раз все вы так беспокоитесь о моем душевном состоянии, никто не удосужился вызвать специализированную помощь? Вы думаете, что я свихнулась? Окей, почему тогда здесь нет психиатра? Пусть проводят необходимые тесты, обследуют меня и поставят диагноз.

– Ты снова хочешь оказаться в клинике Святой Агаты? – в лоб спрашивает Келли.

Тэмзин тем временем ставит перед Элинор кружку с ежевичным чаем и осторожно присаживается напротив.

– Что значит снова? – взрывается Эль, едва не опрокинув на себя кипяток.

Она один раз была в данном заведении. Это случилось пять или шесть лет назад. Кора, приятельница по университету, попала в «Святую Агату» с приступом острой шизофрении. Ей стало плохо прямо на занятиях. Это было ужасное зрелище. Девушка просто встала посреди пары, сняла с себя трусы и помочилась на пол аудитории. Стоя. Элинор навещала ее только однажды. Кора не узнала посетительницу, она никого не узнавала...

- Что значит снова? - хрипло переспрашивает Эль.

- Полгода. Ты провела там полгода, - вместо Келли отвечает Тэмзин.

- Нет. - Отрицательно качнув головой, Эль ощущает, как леденеют конечности. - Вранье!

- Это правда, Элли, - мягко произносит Тэм. - Во время аварии ты получила серьезную травму головы. Последствия появились, когда тебе сообщили, что беременность сохранить не удалось. Это стало сильнейшим ударом по нервной системе. Потерять всех своих близких и ребенка - это не каждый выдержит.

- Я не теряла ребенка! Я помню каждую секунду своих родов. Помню первую улыбку Джонаса, первый прорезавшийся зуб, первые шаги, первое слово. Даже не смей говорить, что я все придумала!

- Элли, вы действительно собирались назвать сына...

- Мы назвали! - перебив Саммерс, кричит Элинор.

- Элинор, ты шесть месяцев провела в психиатрической клинике. Если не веришь, можешь сама запросить свою медицинскую карту. У меня нет причин обманывать тебя. Тогда симптоматика заболевания проявлялась очень похоже. Ты отказывалась верить, что потеряла ребенка, не хотела ничего слушать об автокатастрофе, агрессивно вела себя по отношению к Кристоферу. Он сам едва не сошел с ума от страха потерять еще и тебя.

- Я переехала к нему и была рядом, пока ты находилась под наблюдением врачей, - негромко произносит Келли Хант. - И своими глазами видела, что творилось с Крисом.

– Врачи выбрали правильную терапию, и им удалось тебя вывести в состояние ремиссии, – говорит Тэм. – Мы все были так счастливы, забирая тебя из клиники. Неужели ты ничего этого не помнишь?

– Я ничего не помню, потому что ничего этого не было, – упрямо поджав губы, отзывается Элино́р, ощущая, как ее ожесточенная уверенность в собственной правоте медленно обрастает туманом сомнения. Все их слова звучат без налета фальши, искренне и со слезами на глазах, и становится очень сложно поверить, что возможно так сыграть.

– Если ты захочешь, я могу поехать в клинику вместе с тобой, – предлагает Келли. Эль поднимает на нее полный агонии взгляд. – Но я думаю, что ты можешь справиться без госпитализации.

– Кристофер думает, что ты прекратила прием таблеток, – встречается Тэм. Элино́р потерянно смотрит сквозь нее, пытаясь прогнать через погрязший в хаосе разум услышанные факты. – И это в итоге вызвало обострение.

– Вряд ли только пропуск таблеток мог спровоцировать кризис, – с сомнением возражает Келли, ласковым жестом накрывая ледяные пальцы Элино́р. Вздрогнув, она переключается на участливое лицо родственницы мужа. – Попробуй вспомнить, что произошло вчера, Эль?

– Утром я отвезла своих детей к лучшей подруге и весь день готовила праздничный ужин к десятилетнему юбилею, – отрешенным голосом говорит Элли. – Я собиралась провести незабываемый вечер с любимым мужем. Вчера я была счастливой матерью трехлетнего сына и годовалой дочери и любящей женой единственного мужчины в своей жизни, а сегодня у меня нет ничего, кроме уверенности, что человек, называющийся моим мужем, – незнакомец, по какой-то известной ему одному причине решивший свести меня с ума.

– Ты понимаешь, как это звучит? – мягко спрашивает Тэм. – Что, по-твоему, этот незнакомец мог сделать с Крисом? И куда спрятал детей?

– Я не знаю... – беспомощно всхлипнув, отзывается Элино́р.

– Как ему удалось убрать все свидетельства их существования, обмануть полицию и убедить нас в том, что он и есть Кристофер? Назови хоть одну

причину, зачем кому-то придумывать и организовывать такой безумный план?

– А еще я помню, что звонила тебе. – Встрепенувшись, Эль с подозрением смотрит в голубые глаза Тэмзин, вспомнив, как однажды неудачно пошутила в ответ на придирки мужа, сказав, что Тэм Саммерс гораздо больше соответствует его вкусовым предпочтениям. Как ей только могло прийти в голову сморозить подобную глупость?

Может, они все правы, и она действительно шизофреничка в стадии регресса?

– Ты звонила мне, чтобы спросить рецепт пасты с креветками. Крис обожает морепродукты. Это тоже твои слова. Проверь почту, я выслала тебе рецепт сразу после нашего разговора.

Точно, как она могла забыть. Тэм не только семейный психолог, красавица с шикарной фигурой и отличным вкусом, но еще и кулинар от бога. Просто само совершенство! Тем не менее Элинор не спешит верить своей чересчур идеальной подруге на слово и, вынув телефон из кармана халата, заглядывает во входящие письма. Черт...

Все верно. Сообщение с рецептом получено спустя пару минут после завершения звонка.

Элинор закрывает глаза, силясь сделать полноценный вдох, и когда ей это удастся, виски снова пронзает адская боль. Застонав, Эль сжимает голову ладонями.

«Купить глаз для Барни» – сквозь алый туман отчетливо возникает в памяти заметка, вбитая в мобильник. Хрупкая надежда отгоняет поволоку мучительной боли, и, открыв глаза, Эль снова хватается за телефон. Пальцы не слушаются и дрожат, пока она заходит в список заметок.

«Спрятать портрет до возвращения Кристофера» – гласит последняя.

«Не разговаривать с курьером. Крис иногда такой ревнивец» – написано в предыдущей. Это абсолютная правда. Эль поначалу льстили собственнические порывы мужа, а потом начали утомлять.

Взгляд цепляется еще за одну заметку: «Сдать в химчистку рубашки Кристофера».

Элино́р всегда заботилась, чтобы ее муж выглядел аккуратно и привлекательно. Именно так он и выглядел, благодаря ей. Дальше читать не было смысла. Содержание остальных записей крутилось вокруг потребностей и желаний мужа, и ни одной о детях или о самой Эль.

– Во что я превратилась? – бесцветным голосом задается вопросом Элино́р Хант, поочередно вглядываясь во встревоженные лица двух женщин.

– Твои таблетки. – Келли выставляет на стол флакон с пилюлями. – Начни их пить, и память постепенно вернется.

– Не уверена, что хочу этого, – честно признается Эль.

Глава 4

Гости уехали практически сразу после состоявшегося разговора. Элино́р сама настояла на этом, хотя обе были не прочь остаться на пару дней, чтобы оказать моральную поддержку. Возможно, ей стоило принять помощь, но она чувствовала себя слишком потерянной, заблудившейся и выпотрошенной. Единственное, что ей могло по-настоящему помочь сейчас, – это полное одиночество наедине со своими погрязшими во мраке мыслями.

Она не могла принять на веру факт, что воспоминания о последних трех годах ее жизни не более, чем обман подсознания. Несмотря на услышанные исчерпывающие доводы, первое, что сделала Элино́р, оставшись одна, – набрала номер клиники, указанный на флаконе с лекарствами. Дозвонившись до регистратуры, она попросила соединить ее с врачом, выписавшим рецепт. Психиатр Скарлетт Грин оказалась очень вежливой и приятной в общении женщиной. Доктор Грин подтвердила, что Элино́р являлась ее постоянной пациенткой, и раз в год проходила плановое обследование. Последнее состоялось два месяца назад. Тогда же был выписан очередной рецепт на таблетки, необходимые для стабильного функционирования психической

системы Элино́р Хант. Также миссис Грин была настолько любезна, что выслала на электронную почту Эль копию ее медицинской карты.

В поисках уединения Элино́р закрылась в мастерской (она запретила себе называть ее детской) и начала с того, что сложила все портреты, включая завершенный, в стопку и, задвинув в дальний угол, накрыла отрезом ткани, так и не решив для себя, что будет делать со всеми этими «сокровищами» дальше.

Освободив пространство от отвлекающих факторов, она скрючилась на неудобной кожаной кушетке и, открыв электронную почту на своем мобильном, трижды перечитала собственную медицинскую карту, тщетно ища там несоответствия или зацепки, доказывающие, что заговор против нее проник и за стены клиники. Элино́р практически выучила каждый термин в перечне всех своих диагнозов, прежде чем последняя искра надежды, будто весь мир безумен, а она одна нормальная, – погасла.

Принять и признать все это ей было не менее страшно, чем вчера, когда вместо лица мужа она увидела незнакомые черты. Черты чужака, которого Элино́р так легко назначила главным злодеем, ворвавшимся в ее дом, чтобы обокрасть. Вот только он не взял ни деньги, ни драгоценности, ни ценные вещи. Как и положено настоящему демону, он забрал ее душу и затащил в ад.

Издав беззвучный стон, Элино́р Хант сунула руку в карман, куда бросила злосчастный пузырек с таблетками, и на ощупь вытащила одну. Проглотила без воды и зажмурилась, прячась от света.

Сегодня она узнала, что ад – и есть ее настоящее. А в аду должно быть темно. Там нет веселого детского смеха и утренних теплых объятий, в которых она растворялась без остатка. Там нет ничего, кроме отчаяния и потерь.

Окончательно измучив себя, Элино́р впала в пограничное, отрешенное состояние: что-то среднее между сном и бредом, чтобы встретиться с еще одним жутким кошмаром или, быть может, забытым воспоминанием.

* * *

Длинный больничный коридор, тусклые стены и специфический едкий запах хлора и мочи. Ей хорошо знакомо это место, наполненное такими же сумасшедшими, как она. Они попадаются ей навстречу, гримасничают, кривляются, показывая неприличные жесты, кричат что-то вслед. Эль не реагирует на провокации и оскорбления других больных. Упрямо продвигаясь вперед, она смотрит только перед собой. Ее цель – окно в конце коридора, как единственный источник живого света в помещении с постоянно мигающими лампами. Сбои в электричестве происходят тут круглосуточно, но Элинора нет до них дела. Весь ее мир сосредоточен внутри, и она бережно обнимает его обеими руками.

Солнечные лучи осеннего солнца пробиваются сквозь толстые стекла, манят к себе, приглашая согреться после череды дождливых серых дней. Эль приближается к окну вплотную и касается заляпанного стекла раскрытой ладонью. Ее взгляд устремляется вниз, утопая в зеркальной глади озера. Подсеребрённые огненными лучами небесного светила, темные воды приобретают оттенок кипящей ртути. И хотя Элинора Хант никогда не видела, как кипит ртуть, ей кажется, что это должно выглядеть именно так. Мистически красиво. Если присмотреться, то можно различить микроскопические крупички серебряной пыли, поднимающиеся от поверхности воды.

– Они похожи на маленьких светлячков, – вслух произносит Эль, околдованная восхитительным зрелищем. – Ты видишь? – обращается она к тому, кто стоит рядом.

– Да, – отвечает он.

– И тебе не кажется это странным?

– Оказавшись отрезанными от обыденного мира, мы начинаем замечать то, что не видят другие.

– И попадаем сюда мы тоже потому, что начинаем замечать то, что не видят другие, – с улыбкой добавляет Элинора.

– Замкнутый круг, – произносит задумчивый мужской голос.

– Для избранных?

- Для особенных, - поправляет он. - Сегодня ты не рисуешь, художница?

- Санитары отобрали у меня единственный грифельный карандаш, - огорченно признается Эль.

- Ты помнишь, почему они это сделали?

- Я случайно оставила его на своем стуле в столовой.

- И что случилось потом? - новый вопрос застаёт пациентку врасплох, заставляя сердце стучать быстрее. Холодок бежит россыпью мурашек между напряженных лопаток. Горьковатый привкус во рту становится острее. - Ты не знаешь или не помнишь?

- Бешеная Дрю подобрала мой карандаш...

- И что Бешеная Дрю сделала с твоим карандашом?

Эль не хочет отвечать, но власть голоса слишком сильна. Как бы Элино́р ни пыталась юлить и сопротивляться, она всегда отвечает правду.

- Воткнула в моего Джонаса, - задохнувшись, сдавленно хрипит Эль, в ужасе ощупывая свой округлый живот. Он ощущается как-то неправильно, слишком мягко, словно...

Мысль ускользает, и новый виток кошмарного видения утаскивает Элино́р назад во времени, в зловонный туалет, где ее подкараулила Бешеная Дрю. Она стоит под единственной раскачивающейся тусклой лампочкой, и рыжие клочки волос на ее голове кажутся языками адского пламени. Лицо Дрю перекошено злобной гримасой, верхний ряд зубов почти полностью отсутствует. Сумасшедшая смачно сплевывает слюну под ноги Элино́р.

- Ничего не потеряла, Хант? - выставив руку вперед, Дрю демонстрирует зажатый в кулаке карандаш. - Нарисуешь мой портрет на память? Только попробуй изобразить меня уродиной, я воткну его прямо в твой глаз. Сама выберешь какой - правый или левый.

– Я не могу, – испуганно отвечает Эль, и Бешеная Дрю мгновенно свирепеет, переходя в наступление.

– Это еще почему? Рожей не вышла? Считаешь меня страшной? Говори!

– У меня нет с собой блокнота, – голос Элинон звучит жалко. Она пятится назад, прикрывая живот руками.

– Тогда будешь рисовать на своей подушке, которую носишь под рубашкой, – злобно хохочет сумасшедшая.

Эль застывает от ужаса, наткнувшись спиной на ледяную стену. Потрескавшиеся губы Дрю расплываются в зловещей улыбке. Она делает шаг вперед, и Элинон отчаянно всхлипывает:

– Прошу тебя, не надо. Не причиняй вред моему ребенку.

– Ребенку? Да, ты самая чокнутая из нас! – рявкает Бешеная Дрю и, задрав больничную рубашку парализованной ужасом пациентки, с размаха втыкает заточенный карандаш в ее живот.

– Нет, нет! – срывая голос от крика и заливаясь слезами, умоляет Элинон. – Ты убьешь его. Убьешь моего Джонаса! – Она отчаянно сопротивляется, защищая то единственное, что у нее осталось, но обезумевшая женщина гораздо крепче и сильнее и не собирается останавливаться.

Элинон зовет на помощь, содрогаясь от ледяного страха. В ушах звенит безумный смех Бешеной Дрю, наносящей один удар за другим.

От шока она не чувствует боли. Только пронизывающий холод. Ей даже мерещится, что она видит пушистые хлопья снега, кружащие в воздухе и опадающие на ее волосы и губы.

– Посмотри, что осталось от твоего Джонаса, больная сука, – отступив назад, насмешливо шипит Дрю.

Элино́р обессиленно сползает по стене на грязный, воняющий нечистотами пол и надрывно кричит, собирая пальцами прилипшие к нему белые перья.

Глава 5

Элино́р резко садится и только потом распахивает глаза. Натолкнувшись на внезапную преграду, она со всей силы колотит по ней кулаками, все еще находясь во власти кошмара.

– Это сон, Эль. Это просто страшный сон, – произносит мужской голос, но она продолжает ожесточенно сражаться.

– Успокойся! Сейчас же, – тон становится жестче, и в следующую секунду оба женских запястья оказываются в плену крепкого захвата сильных рук, а она сама – прижатой к кушетке.

Яростно шипя сквозь стиснутые зубы, Элино́р извивается всем телом, норовя пнуть покусившегося на ее свободу хватчика.

– Эль! – снова зовет ее ненавистный голос. Расфокусированный взгляд Элино́р останавливается на мужском лице с четкими и немного резкими чертами. – Прекрати! – требует он. – Хватит.

Узнав его наконец, она делает глубокий вдох и затихает. Узнав – это, конечно, громко сказано. Мужчина, бесцеремонно скрутивший ее руки, для Элино́р по-прежнему чужак. Похоже, ей очень долго придется привыкать к тому, что лицо собственного мужа выглядит так... пугающе незнакомо, хмуро, мрачно и безэмоционально, и при каждой встрече напоминать себе, что Кристофер Хант вовсе не голубоглазый шатен с обаятельной улыбкой и ямочками на щеках, а хладнокровный тип, требованиями и пожеланиями которого переполнен журнал заметок в ее телефоне. Но, как бы там ни было, этот новый Кристофер – меньшее из зол по сравнению с остальными оказавшимися несуществующими фактами из семейной жизни Элино́р Хант.

– Успокоилась? Могу отпустить? – Серые глаза мужчины сползают с бледного лица жены на бешено пульсирующую вену на горле. – Не будешь драться? – последний Последний вопрос звучит гораздо мягче.

– Я в порядке, – усердно стараясь выровнять дыхание, хрипло отвечает Эль.

Освободив хрупкие запястья, Кристофер выпрямляется, перестав, наконец, нависать над ней, но не встает, продолжая сидеть на кушетке, где ей и одной-то места мало. Какое-то время они просто пялятся друг на друга, не говоря ни слова. Крис – настороженно-изучающе, а Эль – с опаской и растерянностью.

Молчаливая пауза растягивается на минуты, и Элинон физически ощущает, как от статического напряжения у нее начинают шевелиться волосы на затылке. Ничего не скажешь – отличное начало нового этапа супружеской жизни.

– Это был не сон, – не выдержав, заговаривает Эль. Кристофер вопросительно выгибает бровь, благоразумно удержавшись от расспросов. – Я кое-что вспомнила... совсем немного. Пару эпизодов, – сбивчиво продолжает Элинон, понимая, что разговаривать с мужем-незнакомцем ей все-таки придется. От мысли, что им предстоит не только разговаривать, у нее болезненно сводит все внутренности.

– Какие именно эпизоды? – нейтральным тоном уточняет Крис.

– Я вспомнила клинику, – морально собравшись, без истерики и надлома отвечает Эль, непроизвольно прижимая ладони к животу и усилием воли прогоняя из мыслей душераздирающий финал своего воспоминания. Проследив за жестом жены, Кристофер заметно мрачнеет, отводя взгляд. Наверняка он в курсе нападения Дрю, решает для себя Элинон. Мужу в любом случае обязаны были сообщить об инциденте.

– Я привязывала простыней подушку к животу, – произносит Эль. Ей необходимо проговорит это вслух... чтобы поверить самой. – Я думала, что ношу под сердцем нашего ребенка... Сына. Джонаса.

– Эль. – Пальцы Кристофера требовательно поддевают ее подбородок, вынуждая смотреть в серебристые глаза, похожие на зеркало, отражающее все что угодно, но только не мысли и эмоции владельца. – Мне жаль, что тебе снова приходится

переживать эту боль, – искренне проговаривает Крис.

– Почему именно сейчас? – задается она вопросом, неустанно крутящимся в ее голове. – Разве три года – недостаточный срок, чтобы смириться? А дочь? Как я могла придумать Милли?

– Я не знаю, Эль, – качнув головой, говорит Крис. – Ты всегда держала все переживания в себе, и...

– Я чувствую их, понимаешь? – прижав ладонь к груди, дрогнувшим голосом признается Эль.

– Эль... – Пальцы мужа успокаивающе поглаживают скулы жены.

– Я слышу их, – со слезами на глазах говорит Элинон, и боль снова захлестывает ее с головой. – Они в моем сердце. Никуда не делись. Три года... я их прожила. С ними.

Между супругами снова пролегает мучительная пауза. Эль было бы проще открыться, не будь он таким... нечитаемым.

– Меня забыть оказалось легче? – без упрека, скорее с усталостью, отзывается Крис, опуская руку на свое колено. Эль облизывает пересохшие губы, в местах, где ее лица касались мужские пальцы, ощущается легкое покалывание. Прислушавшись к себе, Элинон приходит к выводу, что больше не испытывает острого отторжения по отношению к мужу-незнакомцу. Хорошо это или плохо – пока сложно понять.

– Я не забыла, это не так, – возражает она, в глубине души злясь на Криса, что он задал этот чертов вопрос.

– А как, Эль? – Отвернувшись, он смотрит на пустой мольберт. – Ты стерла из памяти мое лицо, заменив его другим.

– Ты же не думаешь, что я сделала это намеренно? – восклицает Эль, с досадой глядя на четкий, мужественный профиль Кристофера.

В собственных воспоминаниях его подбородок чуть мягче, лоб немного уже, и у него нет таких выступающих скул. Ее Крис был обаятельным, улыбчивым и... простым, понятным, своим. А этот Крис – закрытая книга. И дело совсем не в другом лице. Этому мужчине она не знает, а значит, за эти три года что-то до неузнаваемости изменило его. Изнутри. А нездоровое подсознание Эль дополнило метаморфозы новой внешностью.

«Может, это я? Я сделала его таким? – мелькает в голове Элинор нечаянная мысль. – Что, если мое одержимое желание иметь детей сломало нас обоих, отдалив друг от друга? Как долго мужчина способен безоглядно любить женщину с психическими «отклонениями»?»

– Я не могу не задать тебе вопрос, Эль. – Изучающий взгляд мужа вновь останавливается на уставшем лице. И на этот раз она без пояснений догадывается, что псевдомуж имеет в виду.

– Я никогда тебе не изменяла, – без колебаний отвечает Эль, но на Кристофера произнесенные с искренностью слова не производят должного эффекта. Наверное, она бы тоже сомневалась на его месте. Черт, да она бы с ума сошла, если бы Крис перестал ее узнавать.

– Как ты можешь быть уверена? – негромко спрашивает он, и Эль, откинув неловкость, порывисто накрывает его ладонь своей.

– Я знаю, что это невозможно, Крис. Я не помню, как мы прожили последние три года, но ты видел надпись на портрете. Ее сделала я. «Самому важному человеку в моей жизни».

– Ладно, Эль, – помолчав, без особого энтузиазма произносит Крис. – Тебе не нужно мне ничего доказывать. – Мягко высвободив свою руку, он собирается встать.

– Ты мне веришь? – Эль удерживает мужа, взяв за запястье.

– Конечно, верю, Элинор, – отвечает он, и его прямой взгляд в глаза заставляет сердце Эль испуганно трепыхнуться. – Ты никогда не давала мне повода усомниться в тебе.

Дежурные фразы из его уст не звучат фальшиво, но и искренности в них ни на йоту.

- А ты? – вопрос слетает прежде, чем успевает сформироваться и обдуматься в голове Эль.

- Что – я? – уточняет муж.

- Ты давал мне повод усомниться?

- Ты спрашиваешь, изменяю ли я тебе? – холодно конкретизирует Крис.

- Мне, как и тебе, необходимо разобраться в том, что произошло. – Отпустив мужское запястье, Эль настойчиво смотрит в светло-серые глаза. – Выяснить все причины, что могли спровоцировать кризис.

- Причины? Я могу их озвучить, Эль, – уверенно сообщает Кристофер. – Проблемы с памятью начались сразу после аварии. Травма головы, гибель близких, потеря ребенка, ты пережила сильнейший стресс, и твоя нервная система не выдержала...

- Не надо повторять то, что я и так знаю из своей карточки, – прерывает его Элинор. Ее корбит от отчужденного тона мужа, словно зачитывающего параграф из учебника.

- Я едва не потерял тебя, Эль. – Заметив реакцию жены, он выключает режим равнодушного мудака. – Мы столько пережили в те жуткие месяцы, пока ты проходила лечение в клинике. А потом все как-то стало налаживаться, ты снова ожила, начала рисовать, строить планы. После переезда сюда я решил, что все осталось позади. В этом доме ты казалась такой счастливой, и я расслабился, потерял бдительность, перестал тебя контролировать.

- Не перестал, – задумчиво отзывается Эль. – Я читала некоторые заметки в телефоне, – поясняет она, заметив недоумение, отразившееся на лице мужа. Ура, у него все-таки есть эмоции. – Они меня насторожили.

- Чем именно?

– У меня сложилось впечатление, что я жила не своими желаниями и мыслями, а по указке, выполняя ежедневный набор твоих требований.

– Ты сама просила меня об этом, – заверяет Кристофер без тени лукавства. – Тебя все устраивало, но, как видишь, метод не сработал. Я все-таки упустил момент, когда ты решила, что таблетки больше не нужны.

– Келли считает, что дело не только в отказе от препаратов, – сухо произносит Эль, размышляя над словами мужа. Могла ли она добровольно отдать Кристоферу полный контроль над собственной жизнью?

Над этим стоит серьезно подумать.

– У тебя есть предположения? – интересуется Крис.

– Это у тебя нужно спросить. Мы не ссорились в последнее время? Может, я как-то странно себя вела?

– Страннее, чем обычно? – Впервые за разговор Кристофер снисходит до улыбки. Едва уловимой, но это уже прогресс. Эль же, обескураженная его словами, не находит, что ответить.

– Что последнее ты помнишь? – приходит ей на помощь Крис, меняя тему. Однако она снова тушуетя.

– Мне сложно разделить реальные и ложные воспоминания. – Нахмурившись, Эль порывисто встает с кушетки и отходит к окну, за которым клубятся сумерки. Устремив взгляд на огни города, мелькающие вдалеке, она старательно ищет момент икс в хаосе своих мыслей.

– Мы должны понять, на чем ты остановилась, Эль, – подсказывает Крис. – Чтобы вместе заполнить пробелы.

– Это обязательно делать сейчас? – прижав пальцы к пульсирующим вискам, не оглядываясь, спрашивает Эль.

– Мы можем отложить этот разговор, если ты не готова, – мягко произносит Крис. Элино́р выдыхает с нескрывае́мым облегчением, но уже следующая фраза мужа вынуждает ее снова напрячься. – Есть один момент, который я хочу прояснить без отлагательств на завтра.

– Какой?

– Для этого тебе нужно повернуться, – в голосе Кристофера появляются вкрадчивые интимные нотки. Исполнив его требование, Эль настороженно смотрит в невозмутимое лицо мужа, непринужденно рассеявшегося на кушетке. – Каким ты меня видишь, Эль?

– Ты видел портрет, – отзывается она почти беззвучно, ощущая смутное волнение в груди. – Его рисовала я.

– Не его, Эль, – поправляет Крис. – Меня.

– Тебя, – соглашается Эль. – Это действительно ты. На каждом.

– Поэтому ты убрала свои работы с глаз долой? – вопрос звучит вполне безобидно, но неоднозначный смысл в контексте не оставляет иллюзий. – Это был мой подарок, Эль, – фраза – выстрел, легко и мгновенно достигшая цели. На Эль накатывает чувство вины. Десятая годовщина свадьбы. Обе ее реальности сошлись в этой дате. В обеих она хотела сделать юбилей незабываемым. И все испортила. Их с Крисом особенный день действительно запомнится, но совсем не так...

– Ты можешь забрать свой подарок, Крис, – потухшим голосом произносит Элино́р.

– Сделай это сама, – вибрации его голоса становятся заметно ниже. – Я хочу продолжить с того момента в гостиной. Мне понравилось твое платье, Эль.

– Крис... – растерянно выдыхает Эль, инстинктивно скользнув по мужу оценивающим взглядом. Сейчас он уже не кажется ей внушающим ужас и отвращение психом, и она вынуждена признать, что мужчина, которого ее подсознание отказывается узнавать, внешне не уступает вымышленному образу.

– На полу оно смотрелось просто божественно, – ленивая улыбка растягивает чувственные губы. – Но я бы предпочел снять его сам.

Черт! Только не это. У нее темнеет в глазах, к щекам приливает кровь.

– Крис. Я должна попросить... Надеюсь, ты дашь мне время... – смущенно начинает Эль. – Чтобы осознать... привыкнуть...

– Нет, – коротко отвечает Кристофер, перебив ее невнятные потуги выпросить отсрочку от выполнения супружеского долга.

– Нет? – изумленно переспрашивает Элинор Хант, недоверчиво глядя на мужа.

– Чем быстрее мы перейдем эту грань, тем проще тебе будет осознать и привыкнуть.

Глава 6

Уставившись в разгорающиеся пыльно-серые глаза мужа, Эль невольно замирает, забыв о потребности организма в кислороде. Он тоже неотрывно и, она бы даже сказала, хищно наблюдает за сменой эмоций на ее лице. От удушливого смущения до глубоко отрицаемого предвкушения. Да, ей определенно стоит поучиться у него скрывать свои мысли за непроницаемым забралом.

– Это плохая идея, – плотнее запахивая полы халата, ломким голосом произносит Элинор.

Никогда еще ей не было так неловко в присутствии мужа. Если бы она могла, то спряталась бы за штору, но это невозможно. Ведь на окнах нет штор, на дверях, кроме входной и ванной комнаты, нет замков. Ни одного гребаного укрытия от назойливого, пытливого взора чужака.

– Кристофер, – не разрывая зрительного контакта, он называет свое имя, словно ему удалось за считанные секунды беспрепятственно забраться в ее мысли.

Элино́р вопро́сительно приподнимает брови. – Это плохая идея, Кристофер, – цитирует он ее последнюю фразу, дополненную обращением. – Повтори, Эль.

– Это плохая идея, Кристофер, – с бешено бьющимся сердцем выпаливает Эль.

У нее снова начинает кружиться голова. Всею виной мощная энергетика, исходящая от мужчины. Отчасти подавляющая и пугающая, но в большей степени будоражающая. То, что черты его лица совершенно не совпадают с хранящимся в воспоминаниях образом мужа, добавляет остроты в происходящее безумие. Ощущение сюрреализма достигает максимальных высот. Она сама не знает, чего ей хочется больше: нервно расхохотаться, расплакаться навзрыд или смириться и сдаться мужчине, утверждающему, что он ее муж.

– Ты все еще сомневаешься. Да, Эль? – вкрадчиво-ленивым тоном любопытствует Крис.

Изучающий поглощающий взгляд, приподнятый уголок чувственных губ, бархатистый парализующий волю голос. Его это забавляет? Или он издевается?

– Я как будто во сне, – не определившись, отвечает Эль. – Кочую из одного кошмара в другой и пытаюсь понять, который из них реален.

– Какой кошмар тебя пугает больше? – Он медленно поднимается, а Эль кажется, что пол под собственными ногами превращается в кипящее озеро ртути. Она вязнет в нем, тонет, и чем ближе бесшумные шаги Кристофера, тем глубже Элино́р погружается в ядовитую клоаку.

– Этот, – звучит на выдохе искреннее признание.

Муж останавливается на расстоянии вытянутой руки. На кушетке они находились гораздо ближе, но у нее не было настолько тотального ощущения вторжения и поглощения. Он к ней еще не прикоснулся, а ей чудится, что Кристофер повсюду. Его знакомый запах, чужое лицо, пронизывающий взгляд, опутывающий разум плотным туманом, и воспоминания, которых не было.

– Почему? – Мужские пальцы дотрагиваются до вьющихся у ее висков волосков. – Я настолько ужасен?

Он наклоняется, и, утратив возможность видеть его глаза, женщина теряется в тактильных ощущениях.

- Почему, Эль? - не дождавшись ответа, настаивает Кристофер.

Эль немеет, чувствуя, как все ее тело покрывается мурашками. Она бы солгала, сказав, что причина только в страхе. Недвусмысленные сексуальные вибрации, излучаемые Кристофером, пробуждают в ней самой чувственный отклик. Эль дико злит предательство собственного тела и в тоже время успокаивает. Ее никогда бы не смог так легко и быстро возбудить незнакомый мужчина, каким бы привлекательным он ни был.

- Боишься меня? - произносят его губы, оказавшиеся там, где только что были пальцы. Теплое дыхание раздувает темные завитки. Обоняние улавливает родные нотки сандала и сигаретного дыма.

У Кристофера было не так много тайн от жены. Он прятал сигареты в ящике своего стола, но она все равно знала, что муж курит в кабинете, хотя и заходила туда крайне редко. Эль уважала личное пространство Кристофера, но, судя по заметкам и напоминаниям в телефоне, он не отвечал ей взаимностью.

Три года, черт побери. Три года. Как много она пропустила! Целая жизнь, которую она бы не променяла и на два десятка лет. Джонас и Милли - она готова сойти с ума, лишь бы снова их увидеть. Даже если их не существует...

Сердце сжимается от боли, и она глубоко вдыхает смесь будоражащих запахов, проникающих ей под кожу. В этой жуткой реальности Кристофер - самый важный человек в ее жизни. И все происходящее подтверждает это на сто процентов.

- Не тебя. - Отрицательно качнув головой, Элинор вздрагивает, ощутив скользящее горячее прикосновение губ. Она лжет, бессильно прислоняясь спиной к прохладному окну. Если бы не эта опора, она бы, наверное, снова рухнула в обморок. Ладонь Кристофера опускается на стекло в считанных миллиметрах от женского лица.

- Ты запуталась, Эль, - понимающе шепчет Крис, свободной рукой погладив ее по щеке. - Однажды мы уже победили этот недуг. Справимся снова. Не

отталкивай меня. Доверься своей интуиции.

Легко сказать. А что, если интуиция кричит, что все вокруг лгут и она оказалась в центре чужого злого умысла? Клиническая картина прогрессирующей шизофрении. Голоса в голове, немотивированные теории заговора, обрывки воспоминаний из психушки, бешеная Дрю и перья, прилипшие к грязному полу туалета.

- Я... Тогда, после аварии... я тебя тоже не узнавала? - сбивчиво спрашивает Эль, подняв голову. Ее взгляд цепляется за щетину на волевом подбородке. Крис редко позволял себе даже легкую небритость.

- Да, - коротко отвечает он.

- Тебе было тяжело?

- Страшно, Эль, - отвечает Кристофер низким полусшепотом. - Я боялся потерять тебя, пока ты боялась меня.

Теплая ладонь зарывается в копну ее волос, мягко массируя у корней. Эль непроизвольно жмурится от удовольствия. Это невероятно приятно, и, судя по табуну мурашек, Крис однозначно делал это раньше.

- Почему ты остался? Остался со мной? - интересуется она и тут же торопливо поясняет: - Мужчины не любят проблемных женщин. Многие на твоём месте бросили бы меня.

- Мне повезло, что на моем месте только я, а не многие, - со смешком отвечает Крис. - И моя особенная Эль принадлежит мне одному.

Эль замирает, укутанная пожирающим жаром сильного мужского тела. Это ее шанс получить еще одно доказательство в копилку уже имеющихся. Сердце тревожно обрывается, воскрешая в памяти их самую первую встречу, у которой не было свидетелей. Отец на работе, мачеха на шопинге, Этан в школе, садовник на больничном. Начало лета, полуденный зной и горячий незнакомый парень с голым торсом, чистящий бассейн в саду дома Бартонов. Она заметила его в окно своей спальни и сразу поймала себя на мысли, что ей срочно нужно

позагорать на одном из шезлонгов.

- Ты не выглядел очень заинтересованным в нашу первую встречу, - осторожно произносит Эль, прислушиваясь к ритму его дыхания.

- Отец запретил мне глазеть на дочь хозяина. Я дал ему слово, что буду вести себя прилично, - ухмыльнувшись, отзывается Крис.

- Поэтому работал без футболки?

- Было жарко, Эль. Настоящее пекло.

- Ты мог обгореть.

- Не мог. Небо заволочло тучами в тот день.

- А когда начался дождь, ты так и не оделся. - Она невольно улыбается, вспоминая, как напрягались рельефные мышцы будущего мужа при каждом движении. До того момента девушке ни разу не доводилось испытывать такого острого, неприкрытого сексуального желания. Немногочисленные парни, с которыми она несколько раз целовалась, так и не смогли вызвать в ней мысль о продолжении. Обычно она ограничивалась тремя свиданиями и теряла интерес.

- А ты так и не сняла темные очки, - парирует Крис.

Запрокинув голову, Элинон встречается его потемневший взгляд, сердце пропускает удар, а губы мгновенно пересыхают.

- Ты лежала под дождем в своем белом купальнике и не шевелилась.

Да, так и было. Если бы Эль сняла очки, красавчик с божественным торсом и глазами цвета неба мгновенно раскусил бы, как сильно она запала.

- Поэтому ты...

- Решил, что тебе стало плохо.

- Меня словно удар хватил, - подтверждает Элинон.

- Малышка, тебе срочно требуется искусственное дыхание.

- Я помню, - говорит Эль, чувствуя, как печет в груди.

Необъяснимая грусть и что-то еще, нераспознанное, рвущее душу в клочья. Он так улыбался ей, как никто и никогда до него. А его ямочки? Она влюбилась в них как одержимая, даже не зная имени парня. Как, черт возьми, ее мозг смог сотворить с ней такое? Если стоящий перед ней Кристофер - настоящий, то откуда взялся тот? Его лицо не могло появиться из ниоткуда. Мимика, жесты, смех, голос, прикосновения - все другое. Как такое можно придумать?

- А ты ответила... - с улыбкой продолжает Крис, но Эль не дает ему закончить:

- Я не малышка. Меня зовут Элинон Бартон.

- Приятно познакомиться, мисс Эль. Я - Крис Хант. Джек Хант мой отец, - опустив темноволосую голову, Крис шутливо подмигивает Эль.

Хаос в ее мыслях разрастается до невероятных размеров. Это полный диссонанс. Они смотрят одно и то же кино, но с разными актерами в главной роли.

- Помнишь, что ты заявила мне в ответ?

- Кто такой Джек Хант? - она цитирует свою фразу двенадцатилетней выдержки. - Черт, я чуть не умерла от стыда.

- Ты не обязана была знать имя садовника, - небрежно пожимает плечами Крис.

- Твой отец работал у нас больше пяти лет. Это было... - Она сбивается, пытаясь найти правильное определение. - Я чувствовала себя избалованной высокомерной сукой.

- Брось, Эль. Я так не думал. В белом мокром купальнике и нелепых очках ты меня просто сразила наповал, - ностальгирует Кристофер. - Но тебе было всего

семнадцать.

- Всего месяц, - негромко вставляет Эль.

- Да, еще ровно месяц тебе было всего семнадцать. А потом, в день твоего восемнадцатилетия, ты сказала, что уже достаточно взрослая, чтобы позволить мне зайти дальше поцелуев. Ты засунула свои трусики в задний карман моих джинсов, написав на них помадой время и место. Все бы ничего, но помаду ты взяла у мачехи, а та предпочитала алые тона. И я не сразу понял, что там послание, и нехило сдрейфил. Трусики в красных пятнах, в моем кармане... Я терялся в догадках.

- Боже, Крис. Замолчи! - Вспыхнув до корней волос, Эль накрывает ладонью мужские губы. - Ты меня смущаешь. Я тогда вообще не думала, как это выглядит.

- Ты не казалась смущенной. Напротив, - подтрунивает Крис.

- Я выпила два бокала шампанского для смелости.

- Я заметил, - смеется Крис. А у Эль виски взрываются от резкого приступа боли. - Твой отец нас чуть не застукал, - невозмутимо продолжает он. - Первый раз мог оказаться последним.

- Хорошо, что у меня хватило ума запереть дверь.

- Это сделал я, Эль. - Улыбка исчезает из глаз Кристофера, и его взгляд становится колючим и отчужденным. - Я запер дверь. Проверяешь меня, малышка?

- Нет. Конечно, нет, - потрясенная тем, как легко попалась, оправдывается Эль. - Я действительно забыла.

- Твое новое платье, Эль. Жду тебя в нем через полчаса в гостиной, - резко отстранившись, распоряжается Крис. От улыбчивого парня не остается и следа. - Продолжим вечер воспоминаний за обедом. Пока будешь одеваться, заготовь новый список вопросов, ответы на которые может знать только

настоящий Кристофер Хант. Глядишь, тебе удастся подловить меня на вранье.

- Крис, не злись, - она мягко берет мужчину за руку. - Я...

- Я закажу еду из нашего любимого ресторана. Бинго, я даже помню, как называется. «Массимо». Верно? - ледяным тоном спрашивает муж.

- Крис, извини меня, - подавленно выдыхает Элинор, чувствуя себя полной дурой.

- Голубое платье, Эль, - повторяет Крис. - Ты, я и вкуснейшая паста с креветками, а после мы проверим, так же я трахаюсь, как настоящий Кристофер Хант. Как тебе такой план, детка?

- Это грубо, - расстроенная его холодностью и намеренной провокацией, отвечает Элинор.

- Тебе нравится грубо, Эль, - бесстрастно отзывается он. - Или об этом тебе тоже нужно напомнить?

- Мне жаль, что я тебя разочаровала, - ее голос дрожит от переизбытка эмоций.

- Ты не можешь меня разочаровать, Эль. - Взяв лицо жены в ладони, он целует ее в лоб. В лоб! Хуже и представить нельзя. - Ни в одном из твоих кошмаров, - завершает свою мысль Крис и стремительно ретируется из студии, оставляя жену подавленной и потерянной.

- Здесь что-то не так, - бормочет она, присев на злосчастную кушетку, все еще хранящую тепло тела мужа. Червь сомнения по-прежнему грызет обезумевшее от сложившейся ситуации сердце. И чем дальше, тем больше попахивает каким-то абсурдом. Она же не идиотка, чтобы полностью забыть кусок жизни.

Взяв свой телефон, Эль снова проверяет все сообщения, заметки, входящие и исходящие вызовы, листает фотографии, открывает последние страницы в Гугле.

– Ничего... черт! – Отшвырнув гаджет в сторону, Элинон нервно грызет ноготь на указательном пальце, силясь вспомнить, что она могла упустить.

В современном мире в телефоне почти любого человека можно найти массу информации о том, кто он, выяснить материальный статус, семейное положение, с кем общается, где работает, чем интересуется, что предпочитает покупать, куда ездит отдыхать. Банковские карты, электронные кошельки, скидочные купоны, списки оформленных заказов, записи к врачу и прочее. Люди сами вываливают на всеобщее обозрение всю свою подноготную, публикуя посты в «Фейсбуке», в «Твиттере», «Инстаграме». Стереть каждый визит во всемирную паутину отдельного человека не способен даже самый прокачанный хакер.

В случае с Элинон Хант никаких особых усилий для зачистки личной информации и не требовалось.

Соцсети она всегда считала злом, отнимающим у личности частичку индивидуальности. И у нее нет банковской карты, потому что все счета и покупки всегда оплачивал муж. Она никогда нигде не работала, если не брать в расчет увлечение живописью, которое Эль даже не пыталась монетизировать. И у нее нет подруг, кроме Тэмзин. Нет родственников, кроме мужа и его тетки. Отец Криса умер пять лет назад и тоже ничего уже не сможет подтвердить или опровергнуть. А приятели и подружки Элинон по школе и колледжу остались в той жизни, которую она бросила, выбрав сына садовника. Эль скрывала их роман ото всех, боясь гнева отца, а когда неприемлемый для семьи секрет открылся, сбежала с одной сумкой и без единого доллара за душой. Никто из ее старых знакомых не был на их свадьбе. Никто не поздравлял на Рождество, не навещал и не дарил подарков на рождение Джонаса и Милли.

Боже, как так вышло, что вся ее жизнь в течение десяти лет крутилась вокруг одного единственного мужчины и контролировалась им же?

«Самому важному человеку в моей жизни...»

Теперь надпись на портрете приобрела зловещий смысл.

Почему она не задумывалась об этом раньше?

Ее все устраивало? Кажется, да. Именно так и сказал Крис.

Именно так и было в воспоминаниях о последних трех годах. Ее все устраивало, она была счастлива. Действительно была. По-настоящему. Элинон жила своими детьми и мужем и не нуждалась в присутствии других людей. Этот дом стал ее миром... Нарисованным травмированным воображением?

Почему? Какова причина?

Если все это было больной фантазией, то возникает ряд вопросов: зачем она придумала альтернативную реальность?

Почему сейчас?

Что произошло в день десятой годовщины свадьбы Кристофера и Эль?

И в какой момент случился перелом?

От бесконечных поисков ответов и гудящего роя мыслей в голове Элинон все глубже увязает в хаосе предположений, большая часть из которых заведомо ложная.

Черт, да это гребаный тупик. Ей даже некому позвонить, спросить:

«Хей, подруга, ты помнишь моего парня Кристофера? Если скину тебе его фото, сможешь его узнать?»

Или ей стоит начать с совершенно иного вопроса?

Кому это нужно?

Если собственные воспоминания реальны, то какой мотив преследуют те, кто убеждают ее в обратном?

Какова цель?

И снова тупик.

Резкий звонок телефона вырывает Эль из потока скачущих мыслей.

- Да, - хрипло отвечает Элинон, даже не взглянув на имя на экране. В списке постоянных контактов не так много людей, чтобы теряться в догадках.

- Элли, это Тэмзин, - звучит голос подруги. - Никак не могу успокоиться. Постоянно думаю о тебе.

- Я в порядке, Тэм, - сухо отзывается Эль. - В сравнительном.

- Ты уже говорила с Кристофером?

- Да. - Элинон напрягается, с подозрением восприняв чрезмерное беспокойство Саммерс.

- И как он?

- Как ОН? - язвительно переспрашивает Эль. - Проблемы вроде как с моей головой, а не с его.

- Я переживаю за вас обоих, - искренне отвечает Саммерс. Ни одной фальшивой ноты, но как же трудно ей поверить.

- Не стоит волноваться, Тэм. Крис заверил меня, что мы справимся, как уже справились однажды.

- Элли, это случилось не однажды, - напряженно выдыхает Тэм. - У тебя бывали кратковременные провалы в памяти и после выписки из клиники. Несколько раз. Иногда на пару часов, самое большее - на сутки.

- Почему ты мне сразу не сказала? - ошарашенно интересуется Элинон.

- Я говорила, но ты акцентировала внимание на другом.

- Да, Тэм, на другом, - голос Эль наливается жесткостью. - На моих детях, которых я, оказывается, никогда не рожала.

– Твоя фантазия... о детях, она не лишена оснований, – сообщает Саммерс. – Ты и правда считала, что они спасли бы ваш брак с Кристофером. Для тебя это стало идеей фикс, и ты злилась на него, потому что он не был так одержим продолжением рода. Вероятно, твой мозг периодически выдавал желаемое за действительное.

– Как часто?

– Раз в два, три месяца, – сочувственно вздохнув, констатирует Тэм. – Мы держали это в секрете от твоего психиатра. Крис не хотел, чтобы тебя снова упекли в «Святую Агату». Но так надолго, как сейчас, еще не было, не считая первого раза.

– О боже... – бормочет Эль, запуская пальцы в волосы. – Неудивительно, что у Кристофера сдают нервы. Да он святой, раз столько времени выносит рядом полоумную жену.

– Он тебя обидел? – с тревогой спрашивает Саммерс.

– Нет. Крис ждет меня в гостиной. Попросил надеть платье, что ты мне помогла выбрать.

– Я не помогала, Элли, – отрицает Тэм. – Наверное, это Кристофер купил его для тебя.

– Отлично, – мрачно ухмыляется Элиноор. – Я что, не в состоянии самостоятельно приобрести себе одежду? Подожди... а почему ты решила, что Крис может меня обидеть?

– Не уверена, что мне стоит тебе говорить об этом сейчас...

– Тэм, хуже точно не будет. В моей голове чертова черная дыра, и я хочу понять, какого хрена со мной происходит, – нервно огрызается Элиноор.

– В последнее время на совместных сеансах ты жаловалась, что вы стали много ссориться из-за частых вспышек агрессии с его стороны.

- Он меня бил? - изумленно пытается выяснить Элиноор.

- Боже, нет, - поспешно возражает Тэм. - Вы спорили по мелочам, и ты утверждала, что Крис постоянно срывается на тебя без всяких причин. - Саммерс замолкает на мгновение, чтобы окончательно «убить» Элиноор следующей фразой: - Ты всерьез задумывалась о том, чтобы уйти от него.

- Я? Ты уверена? - недоверчиво переспрашивает Эль. - А как же все твои слова о его огромной любви ко мне?

- Так и есть. Я не сомневаюсь, что Кристофер тебя искренне любит, но, возможно, вы оба устали... И... - Тэм делает глубокий вдох. - Элли, ты подозревала, что у Криса кто-то появился на стороне.

- А ты как считаешь? - сглотнув горький комок, с тяжелым сердцем уточняет Эль.

- Неважно, как я считаю, Элли. Я не только семейный психолог, но и твой друг. Ты сейчас в смятении, но поверь, я еще больше. Крис будет в ярости, если узнает, что я тебе рассказала, но это мой долг и как специалиста, и как человека, которому не все равно.

- Значит, ты думаешь, что это правда... - делает необнадеживающий вывод Эль.

Черт! Час от часу не легче. Но если все так, как обрисовала Тэмзин, то, возможно, Эль нашла триггер, запустивший в ее жизнь хаос и разруху.

- Конечно, он все отрицал и был категорически против развода. Поговори с Келли. Только наедине. Может быть, она знает больше, - советует Саммерс.

- Почему наедине? - Эль находит в себе силы задать резонный вопрос.

- А ты сама не понимаешь? Загляни в свой телефон. Он ограничивает твое общение с внешним миром, объясняя это беспокойством о твоём душевном равновесии.

- Но ты так не думаешь?

– Я ни разу не навещала тебя в его отсутствие, Элинор. И Келли тоже. Это немного странно, – Саммерс выдает еще один подозрительный факт.

– Ты меня пугаешь, Тэм, – признается Эль, невольно оглядываясь на приоткрытую дверь. Черт подери, да что тут вообще творится?

– Просто будь начеку, Элли. И если тебе понадобится моя помощь, любая помощь, сразу звони. Хорошо?

– Да, – нервно кивает Элинор, продолжая коситься на дверь – Я тебя услышала. Спасибо, Тэм. Я позвоню.

Она резко сбрасывает вызов, заметив сначала тень на стене, а потом возникшего в проеме мужа.

Похолодев от подступившего страха, инстинктивно делает шаг назад и, споткнувшись, падает задницей на кушетку. «Предупрежден – значит вооружен» – так, кажется, говорят? Как бы не так. Трясущиеся поджилки и периодические обмороки – вот все ее оружие.

– Полчаса прошло, Эль, а ты все еще в пижаме и халате.

Прислонившись к стене, Кристофер небрежно засовывает руки в карманы хлопковых брюк. Правильные, четкие черты лица излучают крайнюю степень недовольства, хотя сама поза выглядит абсолютно расслабленной. Тэм заверила, что Кристофер не распускал руки. Значит, физически ей ничего не угрожает, но, черт, откуда Саммерс знать наверняка, что происходило за закрытыми дверями этого дома?

– Я... Дай мне еще пять минут, – выдавливает из себя Эль и даже умудряется натянуто улыбнуться. – Я спущусь, Крис. Извини, что заставила ждать.

– Все нормально. – Его губы расходятся в чувственной улыбке, демонстрируя красивые ровные зубы. – Ожидание порой лучше любой прелюдии. Как думаешь, Эль?

– Полностью согласна с тобой, – быстро отвечает Эль.

– Всегда бы так. – Склонив голову набок, Крис игриво подмигивает жене и, оторвавшись от стены, поворачивается к двери. Элинон облегченно выдыхает, но, как оказалось, она рано обрадовалась. – Кстати, кто звонил? – не оглядываясь, спрашивает Кристофер.

– Тэм. Она волнуется, – не растерявшись, наигранно беспечно выдает полуправду Элинон. Сердце падает в пятки, когда муж оборачивается, окидывая ее внимательным взглядом.

– Тебе сейчас лучше сосредоточиться на нашей семье, Эль, – произносит он. От непреклонного тона мужа, прозвучавшего, как предупреждение, у нее мороз бежит по коже.

– Я понимаю, – кивает Эль, решив временно занять позицию соглашающегося болванчика. – Семья прежде всего.

– Мне нужно кое-что сделать по работе в кабинете, – продолжает Крис, со скепсисом скользнув взглядом по ее лицу. – Откроешь дверь курьеру. Наш обед должен прибыть через десять минут.

– Тому курьеру, с которым мне не стоит болтать? – чтобы немного сбавить градус напряжения, с лукавой улыбкой уточняет Эль.

– Любому, Эль. В последнее время ты слишком много внимания уделяешь обслуживающему персоналу, – раздраженно заявляет Крис.

У Эль едва челюсть от удивления не отваливается. Если это такая шутка, то она совсем не смешная. Он что, забыл, кем сам являлся на момент их знакомства?

– Увидимся в гостиной, Эль.

– Да, увидимся. – Элинон озадаченно кивает, устремив тяжелый взгляд в удаляющуюся спину мужа.

Десяти минут оказалось достаточно, чтобы наспех расчесать волосы и натянуть на себя вульгарное платье. Узнав, кто именно его выбирал, она с чистой совестью может заявить, что у ее Кристофера отвратительный вкус.

Удивительно, как быстро меняются планы и приоритеты. Еще вчера она хотела поразить мужа, соблазнить и устроить незабываемый вечер. Торжественно войти в следующее десятилетие их брака, начать с чистого холста, чтобы заполнить его яркими штрихами. Нарисовать счастье...

Сегодня Элинор осознала, насколько это было глупым решением.

Ей понадобятся не цветные краски и карандаши, а ластик и черная акварель. Разбавить немного серым... Под цвет его глаз и неба, что льет проливным дождем на грязную землю.

Вероятно, счастье покинуло их брак очень давно.

Вероятно, все, что Элинор Хант считала счастьем, было придумано ею же.

«Что ты сегодня рисуешь, художница?»

Я рисую осень, ответила бы она сейчас.

К горлу подступает желчь и комок из непролитых слез.

Пришло время открыть глаза и увидеть истинную реальность. Без ретуши и дорисовок. Без радужных цветов, написанных маслом на холсте. Пришло время увидеть свою жизнь с пыльно-серыми оттенками страха и сожженных иллюзий, нырнуть с разбега в кипящую ртуть.

Хочет она того или нет, но ей вновь предстоит оказаться с мужем тет-а-тет в тех же декорациях, что и накануне. Столкнуться лицом к лицу с пережитым кошмаром.

Вранье!

Не пережитым. И не факт, что ей удастся его пережить.

Взглянув на овальный стол, сервированный на двоих, Элинон инстинктивно обнимает себя за плечи. Ощущения дежавю и надвигающегося хаоса сильны и неотвратимы. Она чувствует себя слишком раздетой для нового раунда. Ей было бы гораздо комфортнее в пижаме и халате. А еще в тапочках, а не в неудобных туфлях на высоченных шпильках.

Но, похоже, в этом доме никому не интересны ее желания.

Звонок видефона сигнализирует о прибытии курьера, и, цокая каблуками, Эль спешит к входной двери. Нажав кнопку разблокировки замка на центральных воротах, она отходит к окну. Дождаясь, пока доставщик еды доедет до дома, неотрывно смотрит, как струи дождя стекают по запотевшему стеклу. Погода под стать ее настроению. Серое небо, затянутое грозowymi тучами, ветер, наклоняющий деревья в саду, и промозглый ливень.

А кажется, что еще вчера все было иначе... Небо выше, солнце ярче, и никакой серости и тумана. Невозможно сосчитать, сколько раз они наслаждались завораживающими пейзажами, в изобилии окружающими этот уединенный необыкновенный особняк на холме.

Эль никогда не забудет момент, когда в первый раз увидела из окна автомобиля огромный красивый дом, отливающий серебром и сталью в лучах солнечного света. Футуристический дизайн, по форме напоминающий огромный кристалл, сплошное панорамное остекление, создающее эффект единства внутреннего и внешнего пространства и отсутствия стен, ощущение парения и свободы. Холодный и прозрачный снаружи и такой теплый внутри. Это было абсолютное попадание, чистый восторг, восхищение до головокружения. Вопросы, где муж нашел средства на покупку этого архитектурного шедевра, появились позже. Но даже если бы Эль знала наперед, что Кристоферу придется работать с утра до ночи, чтобы оплачивать кредит и услуги по содержанию дома, она бы не нашла в себе силы отказаться. Если бы кто-то сегодня спросил ее: «Где ты живешь, Элинон?», она бы ответила абсолютно искренне и не кривя душой: «На облаках».

Элинон так и чувствовала себя, поднимаясь в редкие свободные минуты на обустроенную террасу на крыше, где было так легко представить себя птицей. Расправить крылья, упиваясь ощущением полета и бесконечности

простирающегося вокруг пространства.

Что из этого было лишь вымыслом, а что правдой?

Она не оборачивается, услышав звук открывающейся двери. Немного зябко. Хочется закутаться в плед и присесть возле растопленного камина. Обнять своих детей и почитать «Волшебника из страны Оз». Эль делала это каждый вечер. Малышам нравились яркие картинки и ее голос. Она еще ни разу не дошла даже до середины книги. Милли всегда засыпала первой после пары страниц, а Джонас держался чуть дольше. Ему было жутко любопытно добраться до момента с волшебником, и он искренне переживал за дровосека и его сердце.

«Без мозгов и смелости прожить можно, а как без сердца?» – рассудительно размышлял трехлетний малыш.

«Без дома тоже нельзя прожить, Джонни, – с улыбкой отвечала Элинор, целуя сына в пухлую щечку. – И капелька мозгов и немного смелости никому не помешают».

Конечно, Джонас возражал и иногда даже спорил, а потом сонливость оказывалась сильнее желания узнать, получили ли герои сказки все то, зачем шли к загадочному волшебнику.

Наверное, ее дети видели волшебные сказочные сны, пока она, Элинор Хант, видела свои...

Разве возможно испытывать сильную, разрывающую сердце тоску по тому, чего никогда не было? Почему ее боль так беспощадно реальна?

Курьер тем временем делает несколько осторожных шагов и останавливается. Бедняга наверняка вымок до нитки, пока бежал от машины до крыльца.

– Добрый день, миссис Хант. Где можно оставить заказ?

Эль застывает, услышав родные, выученные наизусть интонации. Ей просто показалось, успокаивает она себя, наученная горьким опытом последних суток. Это невозможно, или болезнь прогрессирует дальше и перешла в стадию

слуховых галлюцинаций.

– На стол поставьте, пожалуйста. – Зажмурившись, она упирается лбом в холодное стекло. Вдох-выдох. Сейчас отпустит. Это ненастоящее, всего лишь вероломная игра подсознания.

Сзади раздается шорох, а потом снова шаги. Совсем близко. Сердце несется вскачь, ускоряя ток крови по венам.

– С вами все в порядке? – спрашивает все тот же голос. Ее метод самолечения не сработал. Она безнадежна. – Элинор?

– Ты просто гребаный курьер, – оборачиваясь, яростно бросает Эль в знакомое до боли лицо.

Мир разбивается на тысячи осколков, взрывается в ее висках невыносимой резью.

– Боже... – Пошатнувшись, она подается вперед и хватается за мужские плечи, жадно всматриваясь в отпечатанные в памяти черты. – Это ты. Ты, – ее шепот дрожит, пока мир вокруг нее продолжает раскачиваться, как во время землетрясения.

В голубых глазах доставщика мелькает недоумение.

– Я, – кивает он, расплываясь в растерянной улыбке. А Эль не может отвести взгляда от ямочек на изученных до миллиметра щеках. – Не понял только, почему я вдруг стал гребаным курьером.

– Что происходит? – выдыхает Элинор, ощупывая трясущимися пальцами мужское лицо. – Крис, боже...

– Он здесь? – осторожно убирая прохладные женские руки, немного нервно спрашивает Кристофер.

Да, это он. Ошибка исключена. Ее Кристофер. Прямо перед ней. Промокшая дешевая футболка облепила крепкие плечи, полинявшие грязно-серые джинсы сидят как влитые. Он выглядит почти так же, как в первые месяцы их

знакомства. Лишняя только нелепая кепка с логотипом ресторана.

- Он здесь, Элли? - настойчиво повторяет Крис.

- Кто? - улыбаясь сквозь слезы, уточняет Эль.

Ей хочется рассмеяться от внезапно охватившего ее облегчения. Она не свихнулась. Не спятила. Крис пришел за ней, он нашел способ, как обойти ублюдка, решившего поиграть в семейную жизнь с чужой женой. Он защитит, спасет. Он обязательно что-нибудь придумает!

- Если твой муж дома, то мне лучше побыстрее убраться, - бросив тревожный взгляд на лестницу и понизив тон, с опаской объясняет Кристофер. Эль пораженно застывает. Что он такое несет? Для ролевых игр сейчас точно не время. - Я видел его машину на парковке, - совершенно серьезно добавляет Крис.

В голове Эль раздается треск, словно ей только что со всей силы вдарили по лицу.

- Его машину? - Она задыхается, чувствуя, как пол снова начинает ускользать из-под ног. - Его машину? - повышая голос, переспрашивает Элинон.

- Черт, детка, ты такая странная. Черный «Ягуар» принадлежит твоему мужу?

- Что он с тобой сделал?

- Вообще-то твой муж сделал заказ. - Пожав плечами, Крис снова с опаской косится на лестницу. - И, судя по тому, как ты выглядишь, у него на тебя большие планы, - окинув ее ревнивым взглядом, приходит к определенному выводу.

- Нет никаких планов! - восклицает Эль, в отчаянном порыве цепляясь за мокрую мужскую футболку. - Как ты мог подумать, что я могу с ним...

- Такое платье надевают только с одной целью, - перебивает ее Крис, - чтобы кто-то снял его. И речь явно не обо мне. Ты говорила, что у вас давно нет

никаких отношений. – С обидой и укором он смотрит в затянутые зеленоватым туманом глаза. – Тогда какого черта, Элли?

– Он тебя шантажирует? – Эль беспомощно хлопает ресницами, глядя как Крис со злостью снимает с головы бейсболку и небрежным жестом проводит пальцами по каштановым коротко подстриженным волосам. Это она, уже будучи миссис Элино́р Хант, посоветовала Кристоферу именно эту прическу.

– Мы уходим. Прямо сейчас, – принимает решение Эль. Кто-то из них должен прекратить этот абсурд и начать действовать. – Пойдем в полицию, и ты подтвердишь, что этот человек не мой муж. Это же легко доказать.

– Элли, говори тише, – в любимых глазах проскальзывает испуг. – Вы еще не развелись. Мы не можем просто взять и уйти, пока ты не решишь вопрос со своим мужем.

– Прекрати! – В сердцах женщина ударяет его по груди. – Он опасен. Медлить нельзя. – Схватив мужчину за руку, Эль тянет его в сторону двери. – Мы уходим, пусть полицейские разбираются с этим психом.

– Подожди. – Не двинувшись с места, Крис уверенно отстраняет от себя Элино́р, с тревогой рассматривая ее лицо. – Ты явно не в себе. Тебя чем-то накачали?

– Да. Мне дали какие-то таблетки, – судорожно кивает Эль. – Они все заодно. Келли, Тэм. Заодно с этим маньяком. Я... Боже, я же почти поверила. Как он заставил тебя? Что ему нужно от нас? Где Джонас и Милли?

– Элино́р, Элли, успокойся! – Кристофер встряхивает ее за плечи. – Не кричи. Я не понимаю, о чем ты говоришь!

– Уже поболтали? – вопрос, заданный зловещим ледяным тоном, висит в воздухе.

Обернувшись, Эль инстинктивно отскакивает от настоящего мужа и с ужасом смотрит на фальшивого, неторопливо спускающегося по лестнице. Он весь в черном, словно дьявол, явившийся за их душами.

– Все успели обсудить?

– Я просто доставил заказ, мистер Хант, – пятась к двери, оправдывается Крис. Эль переводит на него потрясенный взгляд.

– Мистер Хант? – кричит она. – Какой он к черту мистер Хант? Почему ты его боишься, Крис?

– Вашей жене, кажется, нездоровится, – игнорируя женские вопли, он обращается к тому, кто занял его место. – Может, стоит вызвать врача?

Врача? Ей? Крис действительно это сказал?

– Я не понимаю... Не понимаю. Это какой-то абсурд, – вжавшись лопатками в окно, отчаянно бормочет Эль.

– Эль, знаешь, что меня больше всего бесит в людях? – небрежно интересуется «муж», спустившись с последней ступени. Элинор мотает головой, автоматически обращая на него потерянный взгляд. Ни один нерв не выдает даже мизерной тени напряжения на самоуверенном лице. – Это их наглость и уверенность, что они умнее и хитрее других.

– Извините, но я, наверное, пойду. У меня еще заказы...

– Стоять! – резко приказывает непробиваемый сукин сын, и даже в этот момент он не позволяет эмоциям вырваться наружу. – И молчать.

Крис действительно затыкается и застывает на месте.

Вальяжной ленивой походкой мужчина подходит ближе. От него исходит энергия тотального контроля и сдерживаемой злой силы. И чем меньше остается пространства между ними, тем быстрее начинает работать измученный разум Элинор.

– Это он? – остановившись напротив оцепеневшего курьера, спрашивает хладнокровный психопат, с пренебрежением рассматривая соперника. – Я угадал? Его лицо ты выбрала для своих бурных фантазий?

– Я не понимаю... – Боже, сколько раз за сегодня она произнесла эту фразу?

– Я понимаю, – холодно улыбнувшись, заверяет он. – Скажи, детка, ты каждого уборщика, с которым трахаешься, пока я работаю, чтобы содержать тебя и этот дом, представляешь своим мужем?

– Эй, мистер, не надо так разговаривать со своей женой, – доставщик снова обретает голос.

В полной прострации Эль смотрит перед собой, пытаюсь собрать воедино фрагменты происходящего фарса.

– В том-то и беда, Дик, – сквозь туман она слышит насмешливый голос. – Моя жена считает, что ее мужем являешься ты, а я просто развлекаюсь, заняв твое место. Чем выше социальный статус, тем экстравагантнее забавы. Весело, правда?

– Я просто доставил заказ, – поникшим тоном отвечает ему собеседник.

– Сколько раз ты просто доставлял заказ в мое отсутствие, Дик? – с ледяным спокойствием уточняет «муж», бесшумно надвигаясь на оппонента.

– Я не считал, мистер Хант. Это моя работа, – напряженно отзывается курьер, трусливо отступая к выходу.

– Трахать мою жену не входит в твои обязанности, или я ошибаюсь?

– Вы ошибаетесь, сэр, – теперь в голосе неудачливого соперника звучит откровенный страх.

– Вряд ли, – невозмутимо отзывается «мистер Хант». – Видишь ли, Дик, есть кое-что, чего ты не знаешь.

– Что именно? – настороженный интерес в голосе курьера заставляет Эль очнуться и снова взглянуть в лицо, изученное, как свое собственное.

Красивое мужское лицо с правильными чертами, пляшущими чертами в голубых глазах и обаятельной улыбкой, способной соблазнить любую женщину, вне зависимости от ее возраста. Именно это лицо запечатлелось в каждом значимом воспоминании жизни Элинор Хант.

И это не лицо ее мужа.

Как так вышло, черт подери?

Что с тобой случилось, Элинор Хант?

Кто ты такая, мать твою?

– Я никогда не ошибаюсь, а значит, ты мне нагло врешь, Дик, – невозмутимый тон говорящего никак не вяжется с тем, что происходит дальше.

Эль не успевает даже испугаться. Ее реакции заторможены усиленной работой мозга. Одно мгновение, и цивилизованные разборки двух самцов превращаются в кулачный уличный бой. Молниеносное движение нападающего, глухой звук удара, сдавленный стон... «Дика» отбрасывает в сторону, но он умудряется удержаться на ногах.

– Ты меня ударил, ублюдок, – держась за разбитый нос, хрипит «Дик». Он выглядит одинаково удивленным и обозленным.

– Хочешь возразить? – вкрадчиво интересуется мистер Хант, делая шаг вперед. Грациозно, словно танцор, а не потенциальный убийца с разбитыми костяшками на правой руке.

Эль мелко дрожит, в ужасе наблюдая за обоими.

Это нереально! Всего лишь сон, очередной дерьмовый сон, убеждает она себя, но только этот метод ни хрена не работает, как и техника дыхания.

– Пошел на хер, псих, – сплевывая сгусток крови, огрызается Дик и тут же валится на пол от прямого удара кулаком в лицо. Раздается отвратительный хруст сломанной переносицы и болезненный вопль.

- Ты испачкал пол в моем чистом доме, Дик, - нараспев произносит Хант, с пугающе спокойным выражением лица склоняясь над стонущим от боли мужчиной. - А я ненавижу, когда в доме не прибрано. Правда, милая? - От его хлесткого взгляда, брошенного на неверную жену, у нее леденеет кровь и трясутся поджилки.

- Это перебор, мистер Хант. Вы явно вышли за рамки, - кривит окровавленные губы Дик. Господи, да он самоубийца!

- Пожалуйста, замолчи! - взмолилась Эль, оторвавшись наконец от окна.

- Пошел он, детка. Больной неудачник, не способный удовлетворить собственную жену.

- Это ты зря, Дик, - мрачно ухмыляется Хант.

- Крис, он в шоке. Не трогай его!

- Поздно, родная, он меня разозлил. - Маньячная улыбка изгибает чувственные губы, пугая Эль до полуобморочного состояния.

- Ну давай, мудака. Кайфани, как кайфовал я, пока Элли отсасывала... блядь, сука, - рычит Дик, получив удар начищенным носком ботинка по ребрам. Поняв, что дело дрянь, он пытается отползти подальше.

- Куда собрался, Дик? Мы только начали кайфовать, - смеется Хант и, наклонившись, одной рукой хватая курьера за глотку, а второй бьет в челюсть.

- Хватит, не надо! Ты убьешь его! - кричит Элинора, подбежав к мужу, методично избивающему вероятного любовника. Вцепившись в атласную ткань иссиня-черной рубашки, она тщетно пытается оттащить его от поверженного соперника. - Не трогай его! Прекрати! Я вызову полицию, если ты не остановишься.

- Вызывай, Эль. Им будет любопытно снова заехать к нам на огонек, - сдавливая горло Дика, невозмутимо ухмыляется Кристофер. Лицо курьера приобретает багровый оттенок, в заплывших глазах появляется пустое отрешенное

выражение. – И что мы им скажем? А, Эль?

– Прошу, остановись! – надрывно всхлипывает Элинон, и черный страшный взгляд мужа фокусируется на ней. Она отшатывается в панике и, споткнувшись, падает на пол, больно ударившись задницей.

– Подумай над своими показаниями, пока этот идиот еще дышит.

– Крис... – беззвучно выдыхает Эль, обезумев от ужаса.

– Что ты скажешь полицейским, Эль? – повысив голос, требует он ответа. Элинон вздрагивает, глотая молчаливые слезы. – Что настоящий муж избил фальшивого? Или ты не определилась еще, кто сегодня будет твоим мужем?

– Ты, Крис.

Пересилив панический ступор, она подползает к мужчинам на коленях, стараясь не смотреть на бордовые брызги, но чувствует каждую каплю кожей, ощущает металлический привкус, вдыхает солоноватый запах. Не отрывая взгляда от хладнокровно-спокойного лица Кристофера, она кладет свою трясущуюся ледяную ладонь поверх окровавленной руки, цепко держащей жизнь проигравшего.

– Ты – мой муж, – произносят ее губы. К горлу подступает тошнота, но Эль удается сдержать ее порывы и выдавить из себя улыбку.

– Уверена? – снисходительно уточняет Крис.

Боковым зрением Элинон замечает, что его хватка немного ослабевает. Дик начинает дышать... «Боже, помоги нам всем», – мысленно обращается Эль к единственному, кто способен сейчас услышать ее молитвы.

– Да, ты мой муж, – хрипло подтверждает Эль, второй ладонью дотрагиваясь до щеки Кристофера. – Самый важный человек в моей жизни.

Он не отвечает, удерживая ее взгляд в черной ядовитой бездне. Его брови слегка сдвигаются, словно он раздумывает над словами Элинон, оценивая их

искренность. Секунда, вторая, третья... Время мучительно тянется, и так же медленно глаза Кристофера Ханта покидает тьма, оставляя после себя серебристый мерцающий пепел. Эль позволяет себе моргнуть, сдерживая вдох облегчения.

– Спасибо за вчерашний ужин и сегодняшний обед, Эль, – бесцветным голосом произносит Крис.

Разомкнув пальцы на горле Дика, он неспешно встает в полный рост.

– Убери это дерьмо из нашего дома, – распоряжается Хант, глядя на нее сверху вниз. – Если брезгуешь, я сделаю это сам, но боюсь, пострадает еще пара костей в его никчемном теле.

– Я сама, – сипло отзывается Элинор, переводя взор на обезображенное оплывшее лицо Дика. – Сама.

– Я буду в спальне, Эль, – удовлетворенно кивнув, сообщает Крис. – Не заставляй меня ждать, – добавляет непринужденным тоном и, развернувшись, идет к лестнице такой же самоуверенной походкой, как и появился.

Дождавшись, пока муж исчезнет из виду, Элинор выдыхает и, закрыв ладонями лицо, отчаянно всхлипывает. Собственные пальцы пахнут кровью. Чужой кровью.

– Он больной. Твой муж – настоящий шизик, – хрипит Дик, пытаясь подняться с пола. Стирая рукой обильно стекающую из носа и разбитых губ кровь, он наконец встает на ноги.

– Мы оба больные, – бормочет Эль, опуская ладонь на колени. – Я думала, что он – это ты. У тебя лицо моего мужа. – Запрокинув голову, она смотрит на Дика сквозь туман слез.

– Я не он, Элинор. Но ты иногда и правда меня называла его именем, – кривясь от боли, презрительно бросает доставщик еды из ресторана, с которым, по всей видимости, ее что-то связывало. И это явно не невинный флирт. – Вы парочка гребаных извращенцев.

– Наверное, так и есть, – отрешенно соглашается Эль, расфокусированным взглядом уставившись на кровавые пятна на белом мраморном полу, а перед глазами на стоп-кадре застыло озеро кипящей ртути, увиденное в светлеющих глазах мужа.

Если присмотреться, то можно различить микроскопические крупинцы серебряной пыли, поднимающиеся от поверхности воды.

– Словно маленькие светлячки, – в забытьи шепчет Элинон Хант.

Мужчина в футболке, покрытой багровыми пятнами, с тяжелым стоном опускается рядом с ней на колени, поднимает ее лицо за подбородок, заглядывая в опустевшие глаза.

– Ты и правда меня не помнишь, Эль?

Глава 8

Некоторое время спустя

Комната для допроса 232

– Я ненадолго отлучусь, Элинон. Буквально на пару минут, а потом мы продолжим. – Вежливо улыбнувшись, офицер Бейли встает из-за стола и, прихватив свои записи, спешно покидает коридор, оставляя потерпевшую в одиночестве.

Клои отсутствует около десяти минут, и за это время миссис Хант не производит ни одного движения, не меняет положение тела и направление взгляда. Для тех, кто наблюдал за ней в эти мгновения, создалось впечатление, что молодая женщина заснула, не закрывая глаза, временно приостановив и замедлив жизненные функции организма. И если бы кто-то заглянул в ее голову, то удивился бы, насколько близки к правде предположения.

– Все в порядке? Как вы себя чувствуете, Элино́р? – вернувшись в комнату для допроса, обеспокоенно интересуется офицер, от острого внимания которой не укрылось угнетенное состояние миссис Хант.

– Паршиво, но жить буду, – равнодушно отзывается Эль, дежурным жестом поправляя упавшую на лицо прядь.

– Я принесла вам кофе. – Клои ставит один стаканчик для миссис Хант, а второй для себя.

Несмотря на огромное количество накопившихся вопросов к этой женщине, Бейли не может избавиться от сострадания, вызываемого хрупкой, почти прозрачной потерпевшей. В полицейском отчете имелись фотографии Элино́р полугодовой давности. На них она выглядела совсем иначе. В ней горела жизнь, даже если эта самая жизнь ее не радовала. Сейчас Элино́р Хант напоминала арктическую мертвую пустыню.

– Спасибо, офицер, – благодарит Эль, обхватив горячий напиток обеими ладонями. Все-таки с кофе Клои угадала. Ей необходимо немного согреться.

– Не стоит, это мелочи. – Бейли занимает свое место и какое-то время пристально изучает сидящую напротив миссис Хант. – Я бы добавила немного коньяка, но увы, это запрещено.

Первоначальное мнение о том, что она имеет дело со стандартным случаем семейного насилия только что подтвердилось новыми данными, но поведение потерпевшей не совсем соответствует информации в отчете. Женщина слишком отстранена и спокойна, учитывая обстоятельства.

– Вы считаете, что поступок вашего мужа был наказанием? – Клои делает первую попытку разгадать этот непростой ребус.

– Наказанием? – Подняв голову, Элино́р с недоумением смотрит на молодого офицера.

– Вы думаете, что заслужили то, что сделал с вами Кристофер Хант, – с высокой долей уверенности предполагает Бейли. – Вы не единственная, кто попался на

уловку опытного манипулятора. Вам не в чем себя винить.

- Думаете? - скептически спрашивает Эль, в зеленовато-карих глазах загорается интерес.

- Знаю наверняка, - заверяет Клои, передавая миссис Хант свой планшет. - Нажмите воспроизведение, Элино, - мягко подсказывает она.

Женщина переводит взгляд на экран и выполняет просьбу офицера полиции. Комнату для допроса тут же наполняют стоны, вздохи, шлепки совокупляющихся тел и другие характерные звуки секса. Облизав кровоточащую ранку на губе, миссис Элино безэмоционально наблюдает за визуализирующей картинкой.

Пошное действие происходит в доме Хантов, в гостиной. Эль громко стонет, лежа расплющенной грудью на обеденном столе в задранном до талии платье, трусики болтаются на лодыжках. Мужчина с голым торсом и в спущенных джинсах удерживает ее голову за волосы, прижимая к расшатывающейся столешнице, пока его мускулистые ягодицы мощно и быстро вбиваются в нее сзади.

«Маленькая потаскушка», - сладостно хрипит партнер, сминая подпрыгивающую от каждого толчка голую задницу миссис Хант. Мужское лицо наполовину закрыто бейсболкой, но для Эль не составляет труда узнать того, кто жестко трахает ее на записи.

«Давай... Боже, еще немного», - умоляет похотливая сука в кадре.

«Белокожая принцесса с горячей киской жаждет кончить? - Мужчина отвешивает смачный шлепок по голой заднице, оставляя розовый отпечаток на молочной коже. - Твой муж знает, что ты даешь отодрать свои дырки каждому, кто переступает порог вашего дома?..»

Ему ответом служит протяжный сладострастный женский стон.

«Если, конечно, у него есть работающий член. - Любовник смеется, оттягивая ее голову назад и заставляя прогнуться. - Как тебе мой, принцесса? Достаточной

большой? Засадить поглубже, шлюха?»

«Еще, пожалуйста...» – Женщина всхлипывает и, двинув бедрами назад, жадно насаживается на долбящий ее орган.

«Пожалуйста? – Мужчина ускоряется, шипя от удовольствия. – Да ты настоящая леди. Твой папочка тобой гордится, глядя на тебя с небес».

«Заткнись! – рычит она, содрогаясь от бешеных толчков любовника. – Так, да... Боже...»

– Я думаю, хватит, – с леденящим спокойствием произносит Элинон, нажав на паузу, и невозмутимо встречает изучающий взгляд офицера Бейли. Ни единого намека на смущение или неловкость. Либо миссис Хант превосходно владеет искусством скрывать истинные эмоции, либо ей действительно плевать. – Можете пересмотреть позже. Со своим мужем. – Сдвинув планшет в сторону Клои, она откидывается на спинку стула и добавляет: – Или любовником. У вас же есть любовник, офицер? Уверена, что да.

– Это не ваше дело, Элинон, – резко отвечает Клои. Элинон равнодушно пожимает плечами.

– Как скажете, но вы сами себя выдали, офицер. Слишком часто крутите свое обручальное кольцо. Так делают те, кто только связали себя узами брака, или те, кто планируют их разорвать

– Вас это не касается, – холодно отрезает Клои. Элинон понимающе кивает, красноречиво подмигнув офицеру. – Мы здесь, чтобы говорить о вас, Элинон, – напоминает Бейли. – Можете мне объяснить, что происходит на этой записи?

– Я могу закурить? – игнорируя вопрос, вежливо просит разрешения миссис Хант.

– Да, – нехотя соглашается Клои, протягивая Элинон свою пачку сигарет.

– С ментолом? – затянувшись, интересуется Эль. – Мой муж их обожает.

– Вы не ответили, Элинон, – строго напоминает Клои, теряя терпение.

– А, по-моему, все очевидно. Меня заботит другой вопрос. Скажите, офицер, а какое отношение эта запись имеет к задержанию моего мужа?

– Я считаю, что эта запись и есть причина конфликта, – прямо отвечает Клои. – Вы же знали, что в вашем доме установлено видеонаблюдение?

– Откуда она у вас? – выпустив струю ароматного дыма, любопытствует миссис Хант, проигнорировав вопрос Бейли.

– Ее изъяли из телефона вашего мужа, – сообщает офицер.

– И что вы сами думаете обо всем этом? – неотрывно глядя в глаза Бейли, спрашивает миссис Хант.

– Мне непонятен только один момент в этой истории, – честно признается офицер.

– И какой же?

– Запись со своей изменой прислали мужу вы, Элиноор.

Комната для допросов 231

Детектив Уэйд нервно проводит ладонью по вспотевшему лицу. И хотя на экран смотрит сейчас не он, а мистер Хант, звук в точности передает все то, что он мельком просмотрел пару минут назад совместно с офицером Бейли. Тайрон изо всех сил старается не поглядывать на избитую женщину за стеклом, чьи стоны раздаются сейчас в кабинете.

«Засадить поглубже, шлюха?»

«Еще, пожалуйста...»

Охереть просто. В кадре миссис Хант настоящий огонь. Полный диссонанс внешности и содержимого. И, благодаря ее блядским талантам, детектив уже

некоторое время мучается с каменным стояком, несмотря на дикую усталость.

«Пожалуйста...» – «Да ты настоящая леди. Твой папочка тобой гордится, глядя на тебя с небес». – «Заткнись... Так, да...»

– Хватит. – Вырвав из рук мистера Ханта чертов планшет, детектив останавливает запись.

– Вам не понравилась моя жена? – глумливо ухмыляется рогатый ублюдок. Его это заводит? Гребаный извращенец, как и все эти обеспеченные зажавшиеся плебеи, от скуки превращающие собственную постель в бордель. – Вы выглядите очень возбужденным, детектив. У вас одышка, покраснело лицо, расширились зрачки и набухли вены на лбу. Хотели бы ей засадить?

– На вашем месте я бы хотел ее убить, – не поддавшись на провокацию, невозмутимо отвечает Уэйд, хотя слова задержанного не на шутку завели полицейского. Если бы разговор состоялся в пабе за пинтой пива, он бы, несомненно, ответил «да». – Видимо, это вы и собирались сделать до приезда полиции. Я прав, Кристофер?

– А вы проникательны, – невозмутимо улыбается Хант, не дав прямого ответа. – Но вам не повезло. Вы не на моем месте.

– Вы знаете, кто этот мужчина? – стиснув зубы, Тайрон переходит к следующему вопросу.

– Знаю ли я парня, поимевшего мою жену в нашей же гостиной? – равнодушно уточняет Кристофер. – Скажу больше, он трахнул ее еще и в нашей спальне, в супружеской кровати, а напоследок она отсосала ему в ванной. Абсолютно дикая сучка. И да, нам довелось встретиться. Скажу по секрету, Элинор ему понравилась больше, чем я, – невозмутимо заканчивает допрашиваемый.

– Вы защищаетесь, мистер Хант, – испытывая острое желание поправить под столом выпирающую эрекцию, через силу произносит Уэйд. Давно в его практике не было таких «экземпляров». – Это естественно в вашем положении. В отличие от своей коллеги, берущей показания у вашей супруги, я считаю, что женщине не должно все сходиться с рук только по половому признаку. Она вам изменяла и, вероятно, не один раз. На вашем месте...

- Повторю, детектив. Вы не на моем месте, – холодно напоминает Хант. – Хотя очень бы хотели, несмотря на то, что считаете Элинора последней дрянью.

- Я этого не говорил, – протестует Уэйд.

- Не обязательно говорить, у вас все на лице и наверняка в штанах, – насмехается сукин сын.

- Мистер Хант, объясните мне один момент, – проглотив ярость и выждав минутную паузу, снова заговаривает детектив.

- Спрашивайте, – снисходительно соглашается самодовольный рогоносец.

- Зачем миссис Хант отправила эту запись вам? Вы же могли в любой момент посмотреть ее сами или даже наблюдать в прямом эфире.

- Это сложный вопрос, – после недолгой заминки задумчиво отзывается Кристофер. – Чтобы ответить на него, вы должны прослушать дальше и обратить внимание на один момент.

- Какой именно?

- Просто включите запись. – Высокомерный ублюдок поворачивает голову и переводит взгляд на стекло, разделяющее комнаты для допроса. И миссис Хант в этот момент делает то же самое. Она улыбается мужу разбитыми губами, как единственному в мире мужчине, а в кабинете снова звучат стоны Элинора, пока ее трахает другой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/d_aleks/ne-on

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)